

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

ОТКЛИКИ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ НА СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА

Обзор Л. Р. Ланского

Смерть Тургенева была воспринята его современниками не только как тяжелая утрата, понесенная русской и мировой литературой, но и как событие большого общественного значения.

Обстоятельства сложились так, что со дня смерти Тургенева до дня его похорон прошло около пяти недель. В течение всего этого времени общее внимание в России и за ее пределами было приковано к личности и биографии писателя, к подробностям его смерти и сложным перипетиям, связанным с погребением.

Для Александра III и его окружения Тургенев являлся олицетворением сил, враждебных самодержавному режиму. Возможность повторения — в еще более усиленном и массовом виде — политических демонстраций, которыми сопровождались недавние похороны Некрасова и Достоевского, — не могла не пугать и без того перепуганные «высшие сферы». Правительственные органы согласились скрепя сердце на похороны Тургенева в Петербурге, но приняли бесчисленные меры, чтобы пресечь возможные волнения и «беспорядки». Читатели нашего обзора смогут убедиться в изощренности этих мер, продиктованных беспредельно развитым инстинктом самосохранения.

Широкие круги русской интеллигенции разной политической ориентации, чувствуя память «выразителя своих чаяний», проявили в этих сложных и весьма неблагоприятных условиях немалую энергию и изобретательность. Имя полуопального художника долгие недели не сходило со страниц русских газет и журналов, сопровождаемое самыми восторженными эпитетами. Вся Россия — от Нерчинска до Одессы — к нескрываемой досаде властей и реакционной печати — была охвачена «эпидемией» публичных манифестаций. Похороны Тургенева, вопреки всем хитроумным полицейским барьерам, превратились в его подлинный апофеоз.

В условиях цензурного террора на страницах легальной печати не могли появиться в полном и незамаскированном виде высказывания передовых публицистов и писателей. Но интеллигенция 1880-х годов умела читать между строк, а тем, кто не обладал этим давно уже выработанным искусством, невольно помогала во многом разобраться ультраохранительная пресса, не скупившаяся на обвинения по адресу прогрессивного лагеря. «...дело тут совсем не в Тургеневе, а в том, чтобы, под прикрытием его имени, досадить Власти и вновь оживить брожения, которые за последнее время было приутихли», — писал, например, в своей газетке, полной грязных доносов, князь В. П. Мещерский («Гражданин», 18 сентября 1883 г.).

В периодической печати того времени нередко констатировалось поразительное единство высказываний русской прессы о Тургеневе. Это единство, разумеется, имело лишь внешний характер. Несмотря на общий для многих газет и журналов хвалебный тон и довольно банальный набор эпитетов, повторяющихся в большинстве некрологов, каждый печатный орган, представлявший то или иное направление, подходил к покойному «вождю русской интеллигенции» со своим специфическим критерием. Одни подчеркивали общественно-историческое значение деятельности писателя, его прогрессивные и свободолюбивые тенденции; другие с пеной у рта старались доказать, что Тургенев всегда был чужд и даже враждебен политике и оставался приверженцем «чистой художественности»; третьи старались совместить и примирить между собою оба противоречивых тезиса.

Несмотря на разнохарактерность этих оценок, факт остается фактом: первое массовое проявление оппозиционных настроений в начале 1880-х годов, каким явилось чествование памяти Тургенева, было подготовлено энергичными усилиями русской прессы; правда, не только консервативная, но и значительная часть либеральной журналистики прилагали максимум усилий, чтобы общественная манифестация в честь Тургенева сохраняла легальный, «благонамеренный» характер.

Похороны Тургенева не переросли и не могли перерасти в подлинно революционное выступление, как того опасалось правительство, — все ограничилось внушительной, беспримерной, но поневоле сконанной в своих проявлениях демонстрацией — слабо замаскированным протестом живых сил общества против мертвящей реакции и ничем не ограниченного произвола. Нельзя не отметить, что не только интеллигенция, но и рабочий люд Петербурга принял живейшее участие в этом выдающемся событии русской общественной жизни.

«...Русское правительство, — писал в связи с похоронами Тургенева П. Л. Лавров, — выказало еще раз свою неспособность ни явно препятствовать чествованию неприятной для него личности, ни взять на себя преобладающую роль в торжестве европейски знаменитого русского художника, ни даже скрыть свою бессильную и нерешительную оппозицию церемонии, в которой участвовали все оппозиционные силы России, группируя около себя — следовательно против него, правительства, — множество сил, в сущности и вовсе не оппозиционных. У русских либералов хватило духу, опираясь на поддержку общественного мнения, придать этому торжеству, явно оппозиционному, размеры, до тех пор не слыханные на Руси для похорон частного лица, и, следовательно, нанести еще удар призраку непоколебимости русского абсолютизма. Мертвый Тургенев, окруженный пением православных попов, которых он ненавидел, и многочисленными делегациями групп, в политическую состоятельность которых он не верил, продолжал бессознательно дело своей жизни, выполнение „аннибаловой клятвы“. Как его чисто художественные типы, так и его покрытый бесчисленными венками гроб, были ступенями, по которым неудержимо и неотразимо шла к своей цели русская революция»¹.

Различные материалы, появившиеся осенью 1883 г. в русской периодической печати, — корреспонденции, репортажи, официальные распоряжения, хроникальные заметки, критические статьи, фельетоны и жанровые сценки, зарисованные журналистами в разных ракурсах, подобно тому, как это делают современные кинооператоры, снимая отдельные кадры документального фильма, — все это, представленное в определенной последовательности, рельефно воссоздает тот исполненный драматизма и поистине символический эпизод, которым завершился жизненный путь Тургенева.

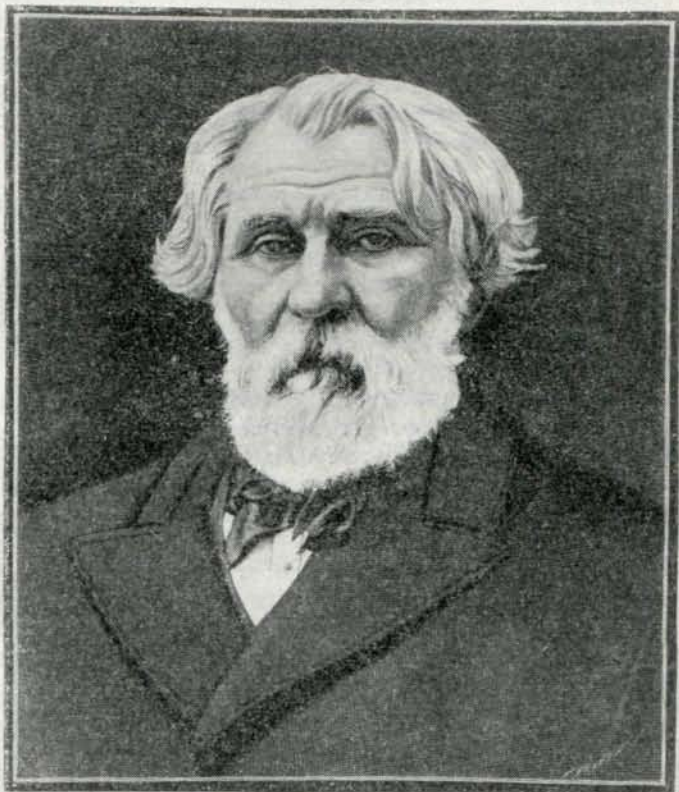
Всемирная иллюстрация

№ 2115

ОКТАВЬ

СРЕДНЯЯ ЦЕНА

1883 г. № 11

ТУРГЕНЕВ

Гравюра И. И. Хелмицкого, 1883. По фотографии М. М. Панова, 1880 (в подписи неверно указана дата «1881 г.»)

«Всемирная иллюстрация», 3 сентября 1883 г., № 11

В обзоре публикуются также выдержки из высказываний о Тургеневе, напечатанных в те дни на страницах иностранных изданий. Они непререкаемо свидетельствуют об огромной популярности и международном авторитете великого русского писателя и о сильнейшем влиянии, оказанном им на литературную жизнь зарубежных стран.

Глава I

СООБЩЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ПИСАТЕЛЯ.— ПОДРОБНОСТИ О ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ.— СМЕРТЬ.— ОТКЛИКИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.— ОТПЕВАНИЕ В ПАРИЖСКОЙ ЦЕРКВИ.— ПРЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУМЕ.— МАНИФЕСТАЦИИ.— «ЛАВРОВСКИЙ ИНЦИДЕНТ».— ПОДГОТОВКА К ПОХОРОНАМ

О катастрофическом ухудшении состояния здоровья Тургенева широкие слои читателей узнали из тревожных сообщений, появившихся в периодической печати летом 1883 г. Особенной безнадежностью было окрашено одно из таких сообщений, напечатанное в «Новом времени» 12 августа:

«О здоровье И. С. Тургенева получаютя всё самые неутешительные известия. Он уж совсем не встает с постели. Мучительные боли в груди и желудке продолжаютя без перерыва. Он исхудал ужасно. Мысль о смерти почти не покидает его, и он всё строит разные предположения о том, как его будут перевозить в Россию, где похоронят и проч. „Я хотел бы лежать на Волковом, рядом с моим другом Белинским“, — недавно сказал он одному близкому ему человеку...²

Земляки и почитатели знаменитого романиста не хотят, однако, ничего знать и буквально осаждают его в Буживале. К нему приезжают даже с просьбами сказать слово о том или другом литературном произведении. Так, на днях у него был Эмиль Ожье и прочитал два акта своей новой драмы. Пересиливая свои страдания, Тургенев выслушал его...

Наш посол, князь Орлов, профессор Боголюбов и другие близкие ему люди почти ежедневно спрашивают о его здоровье. Кроме Шарко, его навещают еще два доктора, из которых один даже живет в Буживале».

«За ходом болезни, сделавшей из страдальца живого мертвеца, следила вся образованная Россия, — отмечалось в статье, опубликованной 28 августа в журнале «Искусство». — „Есть надежда на выздоровление Тургенева“, — говорили и писали, но как-то плохо верилось этой надежде. Мы чувствовали, что нет уже ее, этой надежды, что Тургенев более не вернется к нам, но боялись сознаться в этом даже самим себе, пытались убаюкать себя сладостными мечтами, думали обмануть самих себя...»

И действительно, надежды на выздоровление Тургенева в августе 1883 г. уже не было.

Великий писатель умер 22 августа/3 сентября в Буживале, недалеко от Парижа.

Траурное известие, переданное парижскими корреспондентами зарубежных газет, было помещено в бесчисленных европейских и американских периодических изданиях.

В Петербурге, Москве и провинции многие газеты вышли обрамленные траурными рамками. Большинство изданий посвятило смерти Тургенева передовые статьи, почти во всех появились некрологи, биографические и критико-библиографические материалы, подробности о последних днях писателя, воспоминания о нем и т. п.

«Телеграф принес горестную весть о кончине Ивана Сергеевича Тургенева,— сообщалось в передовой статье либеральных «Русских ведомостей» 25 августа.— Глубоко печальная новость не поразила неожиданностью. С тревогой следили мы за ходом тяжелой и продолжительной болезни, за постепенным угасанием столь дорогого для нас светоча. Но в нас все-таки жила смутная надежда, что недуг затянется, ослабеет, что к великому художнику еще вернется его силы <...> В лице И. С. Тургенева литература лишилась одного из самых крупных, самых гениальных своих представителей. Имя Тургенева принадлежит не одной России, оно пользуется громкою известностью во всем цивилизованном мире. Многие из его художественных рассказов переведены чуть ли не на все европейские языки; высокое достоинство их признано лучшими европейскими критиками. На его произведениях учатся все современные беллетристы; они выставляются как образцы талантливейшими писателями Европы...»

«Во всей России, наверное, не нашлось ни одного уголка, где весть о кончине Тургенева не произвела бы глубоко печального и щемящего впечатления,— писал через несколько дней, 28 августа, Буква (И. Ф. Василевский) в той же газете.— Это всенародная потеря, смерть великана среди пигмеев <...> Но Тургенев был для нас не только гениальным и популярнейшим беллетристом. Он был почетным, излюбленным и общепризнанным *главою* всей русской интеллигенции <...> Он был ее знаменем, вожаком, гордостью и славой <...> У тургеневского флага незримо группировалось и сплывалось все русское образованное общество. Тургеневское имя было для него моральным кодексом и лагерным паролем <...> Духовное главенство Тургенева не обнаруживалось вовне, но само собою чувствовалось и подразумевалось. Оно установилось у нас по молчаливому и единодушному соглашению всех и каждого. Оно виднелось в том, не литературном только, но и общественном ореоле, который окружал голову писателя; оно чувствовалось и подразумевалось в отношениях к Тургеневу критики, писателей, публики, даже противников его; в живейшем интересе, который он всегда и всюду возбуждал своею личностью, в овациях, адресах, встречах, приемах, проводах, которые всюду шумно и безустанно следовали за ним; в необыкновенной популярности, которою он пользовался у молодежи и которая доходила до восторженного обожания; в тревоге и беспокойствии, с которыми русское общество следило за ходом роковой болезни; в массе личных посещений, вопросных телеграмм, приславшихся в Буживаль со всех концов России; в массе поднесенных Тургеневу почетных наименований и в трогательном обычае засылать ему, по разным поводам и при разных случаях, и частные, и общественные дружески почтительные приемы и обращения; наконец, в том искреннем и неподдельном горе, которое теперь тучею пробегало над всем горизонтом земли русской. Как бы ни был писатель велик и замечателен, но один только талант, сам по себе взятый, не может поместить его на *такую* общественную высоту. Такое влияние и обаяние, каким располагал Тургенев, единственно присущи именно духовным главарям общества, вожакам его, знаменосцам. Тургенев был для нас спасительным, обнадеживающим маяком, разливавшим кругом себя лучи света, истины, добра, прогресса, и смерть его может быть сравнена, в отношении к силе потрясения, только с кончинами Гарибальди в Италии, Давида Штрауса в Германии и с будущей кончиною Виктора Гюго во Франции».

Подобного рода высказывания варьировались большинством либеральных газет. Тургенева называли «величайшим художником, величайшим гуманистом» («Новости и Биржевая газета», 24 августа), «писателем, крепко связавшим нас с Европой, давшим своими „Записками

охотника“ могучий толчок нашему развитию, пробуждению политического стыда и падению, вследствие этого, крепостного права» («Русский курьер», 25 августа), «влиятельным вождем и представителем нашего общественно-литературного движения за три последних десятилетия», «самой яркой звездой на нашем литературном горизонте» («Неделя», 28 августа), «бойцом за человечность, сеятелем всего разумного, доброго, вечного» («Мирской толк», 27 августа) и т. п.

Даже такой консервативный орган, как «Новое время», счел выгодным присоединиться к общему хору либеральной прессы и отметил в обширной статье 24 августа, что смерть Тургенева является «великим общественным горем», что Тургенев «был не только любимым писателем-художником», но и воспитателем русского общества, «выразителем самых задушевных, самых плодотворных идей его развития» и т. п.

«Московские ведомости» были чуть ли не единственной газетой, не отозвавшейся (к чести Тургенева -- как комментировали этот факт некоторые возмущенные журналисты) на печальное событие. Только в отделе зарубежных новостей редактор этого реакционнейшего органа М. Н. Катков 24 августа напечатал краткую телеграмму из Парижа, сообщавшую о смерти писателя³.

Издатель «Гражданина» не последовал примеру своего московского единомышленника и уделил в своем листке довольно много места Тургеневу. В некрологе, помещенном 28 августа, он с притворным беспристрастием охарактеризовал писателя как «большой литературный талант», «чуткий, отзывчивый, восприимчивый», но не упустил возможности заявить, что в «Записках охотника» будто бы нет «никакой тенденциозной, политической подкладки», которая была впоследствии «навязана» Тургеневу его «услужливыми литературными прихлебателями». В заключение Мещерский выражал опасение, что похороны Тургенева «превратятся в жалкую политическую, с тенденциозными речами, демонстрацию, как это было, например, на похоронах Достоевского, Некрасова, Корша (в особенности похороны Некрасова, — добавляет Мещерский, — дошли до того, что священник читал в надгробной проповеди отрывки из „Рыцаря на час“). Кто же теперь станет притворяться, будто не знает, что толпы, провожавшие Достоевского, читали в нем в огромном большинстве не столько автора таких <-то> произведений, сколько героя дела Петрашевского <...> Весьма возможно, что и Тургеневу навяжут роль административного ссыльного, потерпевшего за правду, и будут чтить его именно с этой стороны...»

«Санкт-Петербургские ведомости» посвятили памяти Тургенева 26 августа большую передовую статью, по тону своему напоминавшую словоизвержения Мещерского, хотя статья эта была не столько проявлением охранительных тенденций, как у последнего, сколько крайней политической трусости — непрерывной боязни «как бы чего не вышло»: «И. С. Тургенев — в полном смысле слова литератор и художник, но он никогда не был политическим человеком. Нельзя от людей требовать всего <...> Следовательно, у скорбного гроба его не будем касаться политики <...> И пусть будет стыдно тем, которые захотят поднимать праздные вопросы при погребении родного человека и мешать политике туда, где ей совсем не место»⁴.

Особенно сильный интерес у читателей периодических изданий вызывали сообщения об обстоятельствах кончины Тургенева.

«Хотя больной давно уже поговаривал о приближении смерти, — сообщал 26 августа/7 сентября по телеграфу парижский корреспондент «Нового времени», — но только последние две недели он сознавал безвыходность своего положения. Покойный вызвал из Петербурга своего друга и поверенного в делах Топорова и передал ему все свои последние распоряжения. Принимая на прошлой неделе приятелей, Тургенев сказал

им: „В последний раз, прощайте!“ Тронутый этой сценой, Боголюбов поцеловал руку умирающему, но он нервно отнял ее, прибавив: „Живите и любите людей, как я их всегда любил“.

В воскресенье, в полдень, Тургенев выпил два стакана молока, в ночь на понедельник он уже потерял сознание. Говорил Тургенев в последние

Смерть И. С. Тургенева.

Вчера, во вторникъ, 23-го августа, въ два часа пополудни, скончался въ Буживаль, близъ Парижа, знаменитый нашъ писатель Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕСЕДА.

За скорбною вѣстью, прилетѣвшею изъ за-границы, ступевывается и блѣднѣетъ остальное.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТУРГЕНЕВА

«Петербургская газета», 24 августа 1883 г., № 231

минуты только по-русски, по-французски ни слова. Утром, когда Дювернуа (...) переменял рубашку на Тургеневе, больной признал его и поблагодарил, пожав ему руку. Тотчас после этого началась агония; он делал большие усилия, чтобы подняться с постели, судорожно хватался за одеяло. Скончался И. С. Тургенев в два часа пополудни. Выражение лица спокойное, черты поражают своей красотой — красотой маститого старца. На следующий день рано утром прибыл наш консул в квартиру и, как требует закон, опечатав все имущество и составил соответственный протокол. Наложение печатей — простая формальность, все движимое свое имущество Тургенев завещал г-же Виардо; в другом завещании он отказал ей всю свою литературную собственность, изданные и неизданные сочинения, а также 20 000 рублей, которые остались за книгопродавческой фирмой Глазунова.

Незадолго до смерти Тургенев высказал желание, чтобы могила его была рядом с могилой Белинского или же в ногах „учителя моего Пушкина“. Высказывая последнее желание, Тургенев опасался, как бы оно не было истолковано ложно, в смысле чрезмерного самолюбия.

Князь Александр Мещерский — единственный русский, присутствовавший при кончине великого нашего писателя.

Протоиерей Васильев с причтом прибыл в Буживаль во вторник утром. Тело набальзамировано; вскрытие обнаружило поражение позвоночного столба, как был поставлен диагноз доктором Белоголовым. Русские

художники, прибывшие в Буживаль в среду утром с целью снять маску и портрет с покойника, опоздали — тело уже было отправлено в Париж; но маска и фотографии сняты накануне французскими художниками. В четверг всего десять человек пришли в церковь поклониться телу покойного писателя. Говорят, что в настоящее время мало русских в Париже.

Много знаменитостей из литературного, артистического и ученого мира присутствовало сегодня на отпевании тела. Из Лондона приехал Рольстон. Ренан был очень взволнован, Дьедоне рыдал. Русские эмигранты положили венок на гроб Тургенева. Из Женевы приехал Лавров; он следовал за гробом при переносе его в склеп. Гроб несли Онегин, Мещерский, Гайдебуров, Боголюбов, Елисеев и Вырубов; многие из присутствовавших при отпевании как русские, так и французы хотели произносить речи, но наш посол князь Орлов убедил их отказаться от этого намерения. Говорил один только протоиерей Васильев:

„Мне, твоему земляку,— сказал он,— особенно чувствительна эта потеря. Еще в молодости, в семинарских стенах, мы гордились твоей славой, превознося, что между великими деятелями сороковых годов явилась крупная звезда на орловском горизонте, что наш орел, расправив крылья, парит на высоте, что наш орловский плод созрел и сладок целой России“.

Стасюлевич едет в Петербург — сделать все нужные приготовления к похоронам. Тело покоится в трех гробах: первый из шелковой ткани, второй — свинцовый, наружный гроб — дубовый, с серебряными ручками. Много венков на гробе; самый красивый — от Общества русских художников в Париже с надписью: „Великому художнику-писателю русские художники в Париже“. Тургенев долгое время был секретарем этого Общества.

Подписка на памятник великому писателю уже открыта. Племянник (!) Николай (!) Тургенев пожертвовал двести рублей, князь Орлов двести рублей, Гинцбург двести рублей, Боголюбов сто рублей» («Новое время», 27 августа).

«После кончины Тургенева,— писал сотрудник лондонской «Daily News»,— тело его оставалось некоторое время в его спальне в Буживале. Тургенев вообще не любил роскоши, а под старость тем более. Его спальня представляла самую простую обстановку. Железная кровать и такой же умывальник, конторка, комод и большой книжный шкаф красного дерева составляли почти всю ее мебель. Несколько литографических и гравированных портретов литературных и других друзей, украшали стены, ряд фотографических карточек, многие с автографами, выглядывали из-за рамки зеркала над камином. Тело Тургенева было положено на ту же кровать, на которой он скончался. С каждой стороны были поставлены восковые свечи, но окна не были завешены. Из них открывался прекрасный вид на долину Сессы близ Марли. В спокойно величественных чертах лица покойного не видно было и следов тех нервных страданий, которые так терзали его в течение нескольких месяцев».

10 сентября/29 августа корреспондент «Нового времени» Рич, специально посетивший князя А. А. Мещерского, записал его подробный рассказ о «смерти бессмертного»:

«Утром (<...> 2 сентября я поехал в Буживаль и, войдя часов в десять в комнату больного, нашел его видимо ослабевшим сравнительно с тем, как я его видел десять дней тому назад. Он лежал в постели с полузакрытыми глазами и закатившимися зрачками, лицо сохраняло спокойное выражение, но очень пожелтело, дыхание было тяжело, сознание как бы омрачено. Постель больного окружали все члены семейства Виардо: мать, сын, две замужние дочери и оба зятя, гг. Дю-

вернуа и Шамро; кроме того, в комнате находилось двое *garde-malades* *, мужчина и женщина, состоявшие при Иване Сергеевиче с самого начала его болезни, которых он очень любил и которые к нему привязались всей душой, как все, впрочем, кто ближе знал или часто видал этого чудного человека. Вся прислуга дома обожала его, гувернантка семейства, м-ль Арнольд, души в нем не чаяла, и если бы ей позволили, день и ночь, казалось, не отходила бы от постели ...

— *Reconnaissez-vous l'ami Mechtchersky?* ** — спросил у Ивана Сергеевича Дювернуа.

Иван Сергеевич вскинул слегка глазами, ласково улыбнулся и потянулся рукой, чтобы поздороваться, но рука бессильно упала на подушку.

Несколько минут спустя больным стало овладевать некоторое возбуждение, постепенно увеличивавшееся. Он стал говорить все время по-русски и, обращаясь к Шамро (который нашего языка не понимает), спрашивал его: „Веришь ли ты мне, веришь?.. Я всегда искренно любил, всегда, всегда, всегда был правдив и честен, ты должен мне верить... Поцелуй меня в знак доверия...“ Шамро, которому я быстро переводил слова больного, исполнил его желание. Больной продолжал: „Я тебе верю, у тебя такое славное, русское, да, русское лицо...“ Потом речи его стали бессвязны, он помногу раз повторял одно и то же слово с возрастающим усилием, как бы ожидая, что ему помогут досказать мысль, и впадая в некоторое раздражение, когда эти усилия оказывались бесплодными, но мы, к сожалению, совсем не могли ему помочь; слова, которые он произносил, не имели никакого отношения ни ко всему окружающему, ни к России, но иногда прорывались и фразы, по которым можно было догадаться, что в полузатемненном сознании умирающего все еще переплетались те две стороны его жизни, которые составляли ее двойственное содержание: домашние и семейные привязанности с любовью и преданностью родине, к русскому, к национальному... „Ближе, ближе ко мне,— говорил он, вскидывая веками во все стороны и делая усилия обнять дорогих ему людей:— пусть я всех вас чувствую тут около себя... Настала минута прощаться... прощаться... как русские цари... Царь Алексей... Царь Алексей... Алексей второй... второй“. На одну минуту больной узнал Виардо, которая пододвинулась к нему ближе, он восторженно и сказал: „Вот царица царя, сколько она добра сделала!“ Потом обратился к ее замужней дочери, стоявшей на коленях у изголовья, и стал ей внушать, все же говоря по-русски, как она должна воспитывать сына: „Пусть он и непоседливый, непоседливый, непоседливый мальчишка, лишь бы был честным, хорошим, хорошим...“

Тут у Ивана Сергеевича стали прорываться простонародные выражения: ему точно представлялось, что он умирающий русский простолюдин, дающий жизненные напутствования своим семьянам... Но все это были полусветлые, короткие промежутки в его бреде, после которых он начал опять повторять одни и те же слова, все менее и менее ясно, утрачивая постепенно даже и членораздельную способность, хотя возбуждение не только не ослабевало, но усиливалось; больной старался сорвать с себя одеяло и делал усилия приподняться с постели. Пришел доктор и посоветовал для успокоения его сделать впрыскивание морфием. Всем присутствующим, кроме сиделки, велели удалиться и последней сесть так, чтобы Иван Сергеевич ее не видел. После приема морфия, который, сказать кстати, всегда давался в самых умеренных дозах, от четырех до шести сантиграммов в продолжении суток, больной впал в

* сиделок (франц.).

** Узнаете ли вы друга Мещерского? (франц.).

полусонное состояние, продолжая очень тяжело дышать... Через несколько времени возбуждение возобновилось, больной все тянулся руками вперед, быстро, хотя и бессвязно, говорил то по-русски, то по-немецки, то по-английски. По настоянию доктора вспрыскивание было повторено и дан прием хлорала, что Ивана Сергеевича усыпило глубже. В течение дня он выпил несколько глотков молока, а к вечеру доктор приказал выпускать ему от времени до времени в горло по ложечке холодного пунша, который утолял жажду Ивана Сергеевича, но глотать ему было все труднее и труднее...

К ночи женщины удалились, а мы вчетвером, т. е. я, Поль Виардо, Дювернуа и Шамро, остались при больном, кто в его спальне, кто в смежном с нею кабинете. Утром опять появились признаки возбуждения, выражавшиеся уже, впрочем, не в речах, а в движениях и в жестах больного: рот его часто косоило влево, дыхание не приподнимало более груди, а отражалось в одной лишь диафрагме, пульс стал до того неровен, что никак нельзя было высчитать среднего биения, и по временам совсем упал, что, по объяснению доктора, указывало на быстро возрастающую неправильность в деятельных органах и сердце и предвещало недалекий конец, задержанный так долго колоссальной силой организма.

Часу в двенадцатом в комнату взойшел неожиданно Василий Васильевич Верецагин и зарыдал, пораженный состоянием умирающего. Плакал он, впрочем, не один, всех нас, мужчин и женщин, душили слезы. Я взял за руку Ивана Сергеевича и вместе с тем поддерживал подушку, на которой голова его скользила все больше, все беспомощнее в левую сторону. Оконечности стали холодеть и покрываться красными пятнами. Около двух часов умирающий сделал усилие приподняться, лицо его передернулось, брови насупились, из горла и рта, точно после приема чего-то очень горького, вырвалось полусдавленное восклицание: „А-а!“, и голова откинулась уже безжизненной на подушку. Черты лица приняли почти тотчас спокойный, но необыкновенно ласковый и мягкий отпечаток. Женщины, рыдая, бросились к постели, точно не веря еще, что дорогого им человека, которого они так беззаветно любили, уже не стало, но мы их удержали и вывели из комнаты...

Обмыв и одев в чистое белье тело, мы послали немедленно за модельером и фотографом, написали и отправили телеграммы разным лицам, в том числе из русских: Верецагину, который уехал в первом часу в Париж, Н. А. Герцен, послу Орлову, Анненкову, Стасюлевичу, Топорову, Аристову и через Онегина — Боголюбову.

В пятом часу приехал фотограф Морель и снял портреты, которые удались прекрасно, особенно профиль головы. Кроме того, г-жа Виардо вместе с одной из своих дочерей сделала несколько эскизов головы — обе они ведь прекрасно рисуют, а г-жа Шамро показывала мне, Стасюлевичу и Верецагину такой удачный и такой прочувствованный рисунок (карандашом), изображающий Ивана Сергеевича больным на постели в его буживальской комнате, что мы тут же настоятельно упрасивали ее, чтобы она его издала и послала в Россию, так как это была бы лучшая дань родине покойного от самых дорогих ему и близких людей. Комнату, в которой лежал скончавшийся, начали было убирать цветами, но посланный от доктора Бруарделя (представителя судебной медицины) просил не делать этого, чтобы не ускорять разложения тела, отосию которого Бруардель не мог сделать раньше среды. В девятом часу явился итальянец-модельер (лучший в Париже) и сейчас же приступил к снятию маски. Маска удалась хуже фотографии, лицо вышло чересчур страдальческим и исхудалым, борода слишком обвисла. Модельер снял и левую руку, которая лучше правой лежала на постели...» («Новое время», 3 сентября).

LE MONDE ILLUSTRÉ

ТУРГЕНЕВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Гравюра с рисунка Э. К. Липгарта. Букиваль, 4 сентября 1883 г.

«Le Monde Illustré», 22 сентября 1883 г.

«В последний раз я видел этого <...> великого человека на смертном одре. Он был прекрасен <...> в своем покое» (Э. Липгарт)

Приведенный нами подробный рассказ А. А. Мещерского, одного из немногих свидетелей последних дней жизни Тургенева и его смерти, представляет собой исключительный по своему значению материал, без которого не может обойтись ни один биограф писателя. Верность основных фактов, в нем изложенных, не подлежит сомнению. В то же время весь документ проникнут одной настойчивой тенденцией — обелить во что бы то ни стало семью Виардо от суровых и, вероятно, несправедливых обвинений, которые не только циркулировали в виде устных слухов, но и публиковались в русской прессе. Полину Виардо упрекали, как известно, в том, будто она «обирала» Тургенева, изолировала от русских друзей, лишала необходимого ухода, врачебной помощи и т. п. В печати появился даже слух, что Тургенев отравлен семьей Виардо (см. «Гражданин», 18 сентября). А. А. Мещерский взял на себя труд нейтрализовать эти слухи, что ему почти удалось: напечатанные в одной из самых распространенных газет и воспроизведенные затем многими русскими периодическими изданиями, они прочно вошли в сознание современников. Не все, однако, приняли с полной верой то, что Мещерский с такой убедительностью обрисовал в своих воспоминаниях. Даже издатель «Нового времени», где впервые появились воспоминания Мещерского, счел возможным напечатать через несколько дней, 13 сентября, отрывок из «частного письма», где отношение семьи Виардо к покойному представлялось в совсем ином свете:

«Сердце радуется, читая, как его хотят встретить на родине. А здесь оно обливалось кровью, видя полное пренебрежение madame Виардо и ее семьи к телу великого человека. Умер он в 12½ часов пополудни 3 сентября (22 августа) во вторник. Повестили только консула, а вечером священника; благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале, сняты рука, и маска, и фотография. В среду утром на рысках, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал... Приехав случайно из ..., я прямо побежал к священнику и спрашиваю, как и что? „Да ничего,— говорит,— привезли и сдали мне три человека молодые, а потом — ну были вы да еще человека три, а более ничего не знаю; объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу“. — „Да кто же тут распоряжается?“ — „Зять Виардо Шамеро, а из русских — никого; знаю, что заказали погребение 3-го разряда и всё тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда всё узнаете“. Наутро, конечно, я пришел и узнал, что точно похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов раскатился туда (в Буживаль) с холстом и красками ранешенько утром в среду, но привратник виллы говорит ему: „Тю-тю ваш Тургенев“, да и только. Конечно, мы все, русские, в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь».

Парижский корреспондент «Русских ведомостей» Д(ели)ч(К. В. Аркадакский) сообщал в свою газету:

«Еще один из самых видных и любимых представителей блестящей плеяды деятелей сороковых годов сошел в могилу; еще не стало одного из тех, которых так любит и которыми так гордится наша не избалованная судьбой родина! — Вот печальная новость, которая во вторник вечером распространилась по русской колонии в Париже и произвела на живущих здесь русских тяжелое, подавляющее впечатление. Тяжело терять таких дорогих всей России и так горячо любимых людей, но еще тяжелее и обиднее было то, что Иван Сергеевич умер на чужбине, вдали от родины, от своих русских друзей: при его последних минутах присутствовало только семейство Виардо <...> „Горько умирать на чужбине“, — как бы чувствуя это, часто говорил Иван Сергеевич и давно уже собирался вернуться в Петербург, в круг глубоко уважавших его друзей и почитателей, но этому желанию не суждено было исполниться. Тяжелая болезнь приковала его к постели и не давала ему возможности двинуться с места. Впрочем, до самого последнего времени он не терял еще надежды; не теряли ее сначала и мы, рассчитывая, что состояние его здоровья может еще поправиться. Но после того как врачи констатировали, что у него рак на позвоночном столбе позади легких, что эта мучительная и роковая сама по себе болезнь осложнилась еще другой, не менее мучительной — грудной жабой и застаревшей подагрой (при вскрытии тела все это вполне подтвердилось), после того как болезненное состояние, возрастая мало-помалу, достигло, наконец, до такой степени, что больной терял по временам рассудок, — нам стало очевидно, что надежда Ивана Сергеевича вернуться и умереть на родине осуществиться не может. Тем не менее, такого скорого конца не ожидал никто. Правда, в последние две недели он был уже так слаб, что принимал очень редко, но мы все-таки рассчитывали, что он проживет гораздо больше. Поэтому об его смерти узнали только во вторник вечером даже люди, стоявшие с ним в коротких отношениях; большинство же узнало об этом в среду из утренних газет. Многие тотчас же отправились в Буживаль, но им не суждено было застать там тела Ивана Сергеевича, так как оно было уже перевезено в Париж. Они застали в его квартире только одного из его коротких знакомых, Гастона Париса, который сообщил им, что гроб Ивана Сергеевича перевезен в русскую церковь в Париже. Он же, между прочим, рассказывал, что при последних минутах Ивана Сергеевича присутствовал будто бы Стасюле-

вич, но потом это оказалось неверным. Стасюлевич, проезжая через Париж, действительно, заезжал навестить покойного, но нашел его уже мертвым. Он предложил было m-me Виардо взять на себя все хлопоты относительно похорон и отправки тела в Петербург, но та отклонила это предложение, как и предложение барона Гинцбурга, который предлагал ей свои услуги через художника Боголюбова. Как бы то ни было, но отправлявшимся отдать Ивану Сергеевичу последний долг в Буживале пришлось вернуться в Париж ни с чем и направиться в русскую церковь. Пошел туда же и я. Воображая, что гроб Ивана Сергеевича выставлен в самой церкви, что церковь должна быть отворенной и что там уже толпятся друзья и почитатели покойного, я направился прямо к ней, но, к моему великому удивлению, нашел ее запертой. Церковный сторож, однако, согласился провести меня по каким-то темным боковым ходам в часовню, где стоял гроб. В часовне царил глубокая тишина. Около наглухо заколоченного гроба — решительно никого, даже свечи не зажжены; в непроницаемом мраке подвала слабо мерцала одна только небольшая лампадка, зажженная перед гробом. При виде этой могилы, охватившей Ивана Сергеевича на другой же день после его смерти, мне невольно представилась та обстановка, в которой покоился бы его прах, тот круг его друзей и почитателей, которые не оставляли бы теперь его гроба, если бы он умер в России. Мной овладело тяжелое чувство, и я поспешил выйти наружу. На мой вопрос: когда же бывают панихиды, сторож ответил, что до самой пятницы, когда будет отпевание тела, ни службы, ни панихиды не будет.

Сегодня к десяти часам в русскую церковь начала собираться небольшая русская колония (в настоящее время русских в Париже очень мало — летний сезон еще не кончился). Когда я пришел к церкви, в церковном дворе стоял уже катафалк и три похоронных экипажа, перед воротами толпилось несколько французов и вездесущих гаменов, пришедших издали взглянуть на русские похороны. Небольшая, но хорошенькая церковь была убрана чрезвычайно изящно. Посреди церкви возвышался катафалк, покрытый черным бархатным покрывалом с большим белым крестом, заставленный пальмами и живыми цветами и окруженный подсвечниками. Кругом его лежали изящные венки из живых и искусственных цветов от разных групп парижской русской колонии и от французских друзей покойного, между прочим от семейства Виардо, от Общества русских художников в Париже, от русских эмигрантов и пр. К 11 часам в церкви можно было уже видеть все русское посольство с князем Орловым во главе, всех русских художников и писателей, находящихся теперь в Париже (Боголюбов, Верещагин, Гайдебуров, Лавров, Оленин и др.), всю русскую учащуюся молодежь и эмиграцию. Из французских друзей и почитателей покойного я заметил Э. Ренана, Э. Абу, Гонкура, Шоля, Кларти, Гастона Париса, все семейство Виардо и др. При отпевании не было никаких речей, кроме коротенького надгробного слова, сказанного священником русской церкви о. Васильевым, совершавшим богослужение. В этом слове он высказал глубокое сожаление о потере „знаменитого деятеля и высокого таланта“, о том, что „небольшая русская колония в Париже не может оказать покойному тех почестей, какие ожидают его в России, где его всегда встречали так сердечно“; напомнил, что у Ивана Сергеевича было любящее, сострадательное сердце, что он всегда и везде, где только мог, стоял во главе филантропических предприятий, и закончил выражением уверенности, что за его великую любовь многое отпустится ему и на том свете. Многие из русских и французских друзей покойного просили позволения, по окончании богослужения, почтить его память хоть немногими теплыми словами, но им ответили, что в церкви сделать это невозможно. Они, однако же, не теряли надежды и надея-

лись, что им можно будет говорить на церковном дворе при выносе гроба из церкви, но его пронесли в подвальной часовню и не через двор, а через внутренний ход. Прах Ивана Сергеевича будет оставаться в подвальной часовне до самого отправления его в Россию, которое последует дней через десять, а может быть и через пятнадцать; это еще не решено окончательно. Будем надеяться, что на далекой родине его встретят и проводят в последнее жилище с большей торжественностью, чем удалось это сделать нам, немногим русским, проживающим в Париже.

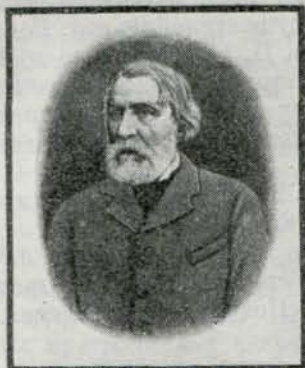
Говорят, что Иван Сергеевич оставил после себя мемуары, которые он начал с конца прошлого века, со слов его матери, и вел до самого последнего времени» («Русские ведомости», 1 сентября).

Парижский корреспондент газеты «Berliner Börsen-Courrier» сообщал: «В маленькой русской церкви, находящейся в одном из лучших кварталов Парижа, в улице Дарю, между двумя аллеями Ваграм и Гош, происходило сегодня отпевание тела И. С. Тургенева. Церемония продолжалась три часа, и по временам раздавался глухой, протяжный колокольный звон. В середине церкви возвышался высокий катафалк, окруженный свечами, роскошно убранный цветами и пальмами, доставленными из Буживаля, где умер Тургенев. На церемонию явился князь Орлов во фраке и в орденах. Князя окружали члены русского посольства. Вблизи катафалка я заметил де Грекура, Массне, изящную голову Эмиля Ожье, Жюля Кларти и Орельена Шоля. Из других знаменитостей на отпевании присутствовали русские живописцы Боголюбов и Верещагин; затем: депутат Ревильон, кн. Мещерский, капитан Фори, атташе французского военного министерства, и проч. Впоследствии к ним присоединилась маленькая фигурка Эрнеста Ренана. Распорядители помогли пробраться через толпу автору „Жизни Иисуса Христа“ и его супруге. Некоторое волнение вызвало появление депутации от русских эмигрантов в Париже с Петром Лавровым во главе. Депутация возложила на катафалк огромный венок с русскою и французскою надписями: „Ивану Тургеневу русские эмигранты в Париже“⁵. Эмигранты, имеющие в Латинском квартале библиотеку и место собраний, явились в большом числе. В толпе виднелось несколько выразительных лиц с резкими чертами и черными, как смоль, бородами. Явилось также несколько русских студенток Ecole de Médecine с пенсне и коротко стриженными волосами, придававшими им весьма эмансипированный вид. В десять часов церковь была так переполнена народом, что пришлось открыть обе половинки дверей; толпа наполняла даже улицу. Протоиерей Васильев с дьяконом Тесельским совершали обряд отпевания. По окончании его присутствовавшие поочередно подходили к гробу из красного дерева; русские клали земные поклоны, прикладываясь ко кресту и к металлической пластинке, прикрепленной к верхнему концу гроба. На пластинке изображены были имя, день рождения и смерти поэта; затем начался вынос тела. Впереди шли певчие и духовенство с образами. Гроб был спущен в церковный склеп. Там совершена была лития в присутствии близких друзей и знакомых покойного. Над головой Тургенева находится образ божией матери, перед которым будет гореть неугасимая лампада, пока гроб будет находиться в склепе...»⁶

24 августа в Петербурге состоялось экстренное заседание городской думы. Городской голова, издатель сочинений Тургенева И. И. Глазунов, выступил с речью, которую заключил следующими словами:

«Я должен поделиться с вами роковою вестью, поразившею всех нас, как громом. Вчера, близ Парижа, скончался, после продолжительной и тяжелой болезни, *Иван Сергеевич Тургенев*. Мы, русские, понесли невознаградимую утрату, и не мне говорить о том, что чувствует при этой вести сердце каждого русского человека. Тургенев — наш петербуржец, по преимуществу: он в Петербурге воспитывался, в Петербурге вышли из-под

1818 - 1883 г.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

ТУРГЕНЕВЪ

О

РУССКОМЪ НАРОДѢ.

[Титульный лист и фронтиспис]

Съ портретомъ И. С. Тургенева.

Цѣна 15 коп.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ Л. А. Ш. "Лит. Азиатскій пер.", № 14.

1883

«ТУРГЕНЕВ О РУССКОМ НАРОДЕ»
СБОРНИК, ВЫПУЩЕННЫЙ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТУРГЕНЕВА
Цензурное разрешение от 20 сентября 1883 г.

Титульный лист и фронтиспис с портретом писателя (гравюра И. И. Матюшина по фотографии К. А. Шапиро, 1879)

Портрет был отпечатан также отдельным листом и распространялся на Волковом кладбище в день похорон Тургенева 27 сентября 1883 г.

его пера лучшие его произведения, в Петербурге его гениальные труды появились в печати и, наконец, в Петербурге он пожелал быть похороненным. Поэтому петербургской думе и должна принадлежать честь идти впереди России в чествовании памяти великого писателя.

Собрание почтило память Тургенева вставанием. Затем гласный думы, известный историк и издатель «Русской старины» М. И. Семеvский выступил со следующей речью:

«Все мы, здесь присутствующие, с глубочайшим прискорбием выслушали сообщение почтенного председателя собрания о роковом ударе, постигшем всю грамотную Россию в лице безвременно умершего писателя нашего Ивана Сергеевича Тургенева. Справедливо напомнил нам господин председатель, что Иван Сергеевич, будучи дорог всей России, всего дороже нам, жителям Петербурга. Да, Тургенев наш, как воспитанник Петербургского университета, как писатель, большинство превосходных творений которого были напечатаны в петербургских изданиях. Воспитательное значение сочинений Ивана Сергеевича громадно; на них возросло два поколения русского общества, и из среды первого из этих поколений вышел тот ряд самоотверженных тружеников, которые первые откликнулись на призыв незабвенного царя-освободителя и явились его сподвижниками в преобразовании всего строя русского общества. В основу этих реформ легло освобождение крестьянства. Каждому известно, что Тургенев, с первых же своих произведений сороковых годов, вел русское общество

к сознанию необходимости освобождения крестьян, к необходимости дарования равных прав меньшим братьям нашим. Из поколения, воспитавшегося на сочинениях Тургенева, явились и первые деятели по созданию великого акта 19 февраля 1861 года и по осуществлению его. Я предлагаю почтенному собранию: 1) по привозе праха И. С. Тургенева в Петербург принять участие, через депутацию с городским головой, в отдании последней чести усопшему; 2) учредить в Петербургском университете стипендии имени Ивана Сергеевича и 3) основать в Петербурге его имени начальное городское училище».

Затем выступило несколько гласных (Литвинов, Сан-Галли, Михельсон), поддержавших предложение Семевского.

«Собрание, приняв в принципе мысль о необходимости почтить память И. С. Тургенева, постановило: передать все сделанные предложения в Управу для представления доклада» («Новости и Биржевая газета», 25 августа).

«Смерть Тургенева произвела потрясающее впечатление на русское общество,— отмечалось в той же газете 26 августа.— У нас, в Петербурге, теперь одна речь: как лучше, как достойнее мы можем встретить и проводить до могилы великого писателя, честь и гордость нашей страны, нашей литературы, нашего национального гения <...>

Смерть Тургенева — горе общее, всенародное <...> Нашему темному народу, в огромной его массе, конечно, еще неизвестно имя его великого учителя; живущий узкими интересами, угнетаемый нуждой, бедностью, невежеством, он еще не может оценить всю тяжесть утраты, постигшей Россию в преждевременной смерти отечественного гениального писателя; но пусть он хотя в такие, особенно тяжелые моменты жизни нашего общества приучается понимать, что есть интересы необыкновенно важные, в высшей степени национальные, которыми у нас пока живут лишь образованные классы, но полное безучастие к которым со стороны народной массы прискорбно и унижает ее».

26 августа в Петербурге состоялось собрание выборных Мещанского общества; на этом собрании произошел следующий позорный инцидент, получивший огромный отклик в России и за рубежом.

Председатель Общества В. И. Кручинин обратился к собранию со следующими словами: «Всем вам уже известна, господа, печальная весть, поразившая, как громом, всю грамотную Россию. Не стало Ивана Сергеевича Тургенева, не стало мыслителя-поэта, заставлявшего биться наши сердца, не стало светлого борца за правду, поборника истины, воспитателя общества, не стало могучего таланта, проводника гуманных идей. Не мне говорить о значении Тургенева. Кто из нас не читал его произведений, кто не преклонялся пред живыми типами Рудина, Лизы и Лаврецкого, Елены и Инсарова, Аси и др. И вот, ныне смерть похитила нашего Тургенева. Я предлагаю, во-первых, поручить особой комиссии или депутации в лице нашего старшины и его товарищей присутствовать при похоронах Ивана Сергеевича и возложить на гроб его венок и, во-вторых, поручить Управе обсудить, не представится ли возможным учредить в память Ивана Сергеевича одну или две стипендии в каком-либо учебном заведении...»

«Собрание очень сочувственно встретило предложение г. Кручинина, — писал корреспондент «Новостей и Биржевой газеты», — но, тем не менее, раздался голос против него. Этот голос принадлежал содержанию трактира и гласному городской думы Кулькову:

— Мы не знаем, — сказал он, — Тургенева; он не был нашим выборным и не принадлежал к нашему мещанскому обществу. Если наш старшина желает, он может пойти на похороны, а посылать его нам нет резону. Надо это предложение оставить без внимания».

«К чести собрания, надо сказать,— добавляет корреспондент,— что голос Кулькова остался единичным. Никто не поддержал его и никто не подал голоса против предложения г. Кручинина; только один сосед его, фамилии которого нам не удалось узнать, проговорил вполголоса, как бы из любезности к приятелю: „Верно, отклонить“?».

Взволновало русскую прессу и открытое письмо П. Л. Лаврова редактору парижской радикальной газеты «Justice», перепечатанное с провокационной целью редакцией «Московских ведомостей». В этом письме сообщалось, что Тургенев оказывал систематическую материальную поддержку эмигрантскому революционному журналу «Вперед!», издававшемуся в 1870-х годах Лавровым (см. выше, стр. 236 — 237 настоящей тома). На редактора «Московских ведомостей» Каткова со страниц либеральных изданий посыпались возмущенные окрики. При этом часть газет сочла нужным заявить, что Лавров бесстыдно «оклеветал» покойного писателя, приписав ему сочувствие революционной эмиграции и деятельную помощь ее органу; другие же издания попытались изобразить дотацию, выдававшуюся Тургеневым журналу «Вперед!», как филантропическую подачку, брошенную лично Лаврову. «Санкт-Петербургские ведомости», например, посвятили этому вопросу не одну, а несколько передовиц.

«Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации,— писал в это время Г. А. Лопатин.— Несомненно, что Лавров, публикуя свое письмо, действительно, желал поставить русское правительство в затруднительное положение и вынудить его или похоронить со всеми официальными и неофициальными почестями прах одного из злейших своих врагов, или же отказать в этих почестях праху человека, которого знала и любила вся читающая Россия, не могшая, конечно, отнестись без негодования к такому мальтретированию своего любимца» (стр. 248 наст. тома).

«Хотя вся наша печать единогласно восстала на защиту Тургенева,— отмечала в передовой статье, озаглавленной „Прискорбный переполох“, газета „Неделя“,— но уже самое это „восстание“ показывает, что почитатели великого русского романиста струсили за него и поверили в возможность серьезных последствий от указания „Московских ведомостей“.— „Невероятно, а истинная правда!“»

По утверждению А. С. Суворина, русскому правительству письмо Лаврова было известно еще до того, как было дано разрешение ввезти тело писателя в Петербург («Новое время», 13 сентября).

Н. М. (возможно Н. С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке Тургеневу от его парижских знакомых) писал в мемуарной статье «Черты из парижской жизни Тургенева», напечатанной в ноябрьской книжке журнала «Русская мысль»:

«...Я не берусь и считаю излишним здесь решать вопрос, имел ли право г. Лавров помещать свое заявление и в какой степени оно соответствует истине. Факт тот, что такое заявление появилось. Нужно быть в ужасной степени напуганным и обладать изумительной способностью терять присутствие духа и здравого смысла, чтобы поднимать такой панический гвалт при чем бы то ни было голословном (основательно ли оно или лживо — это все равно) — заявлении о политических симпатиях человека, притом человека, уже умершего, да притом еще, наконец, составляющего славу и гордость России <...>

Поэтому мне кажется, что защитники Тургенева (если только тень великого писателя не вознегодует против дерзкой попытки, например, г. Суворина записаться в его друзья и защитники),— что друзья Тургенева слишком поусердствовали и уподобились тем доброжелателям, о которых

покойный Иван Сергеевич добродушно говорил: „Избавьте меня от друзей, а враги мне не страшны“».

Письмо Лаврова вызвало, как известно, ряд возмущенных выступлений в печати друзей Тургенева — Я. П. Полонского, М. М. Стасюлевича и др., которых и имел в виду автор цитируемой выше статьи.

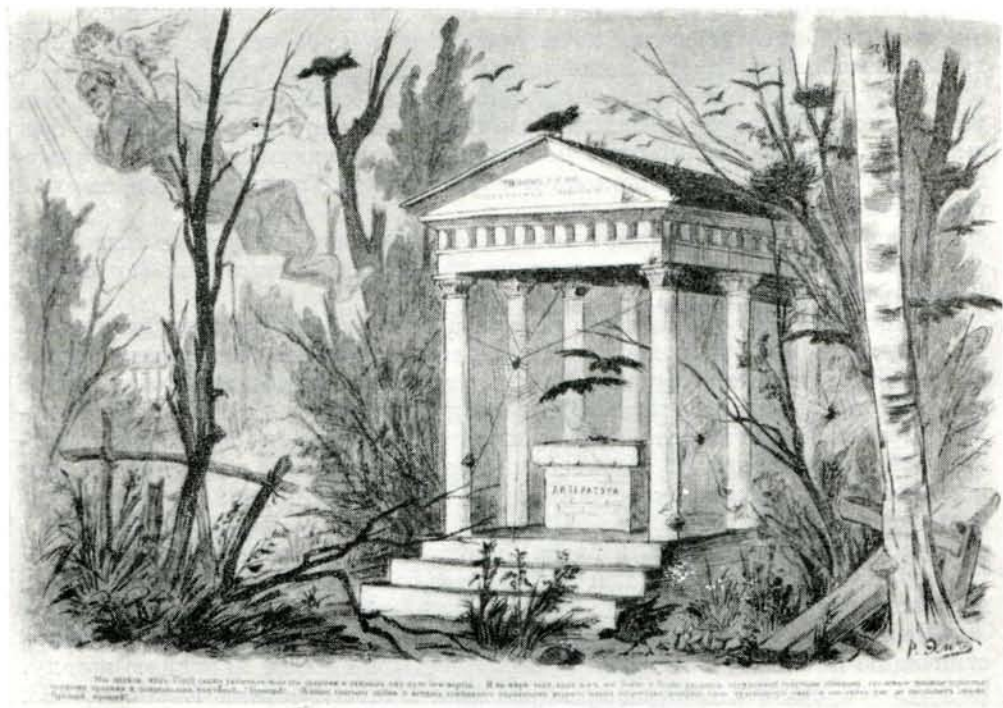
Правительственные круги и сам Александр III были крайне недовольны намерением русского общества оказать «кромольному» писателю такие почести, какие не оказывались даже коронованным особам. Инициатива петербургской думы вызвала со стороны правительства особенно резкий протест. Открыто в печати об этом ничего не сообщалось, но нажим, оказанный на думу, легко угадывался читателями по следующим газетным сообщениям:

«Петербургская дума, отзывавшаяся было так сочувственно к памяти Тургенева, начинает выказывать какое-то вольное или невольное охлаждение», — писали «Русские ведомости» 3 сентября.

Предполагавшееся первоначально в понедельник 29 августа экстренное заседание Санкт-Петербургской городской думы назначено было на среду 31 августа, — сообщалось в «Новостях и Биржевой газете», — но не состоялось за неприбытием законного числа гласных. Дело в том, что по какой-то непонятной причине на повестках не было сказано ни одного слова о том, что в заседании этом должны разрешиться вопросы о чествовании памяти И. С. Тургенева, и многие гласные не явились, так что к назначенному часу едва собралось тридцать человек, тогда как для признания собрания законно состоявшимся требуется не менее пятидесяти одного. Городская дума, как известно, в заседании 25 августа постановила все предложения для встречи дорогого тела передать на предварительное заключение управы с тем, чтобы она немедленно внесла их в думу. Когда прибудет тело Тургенева, пока еще неизвестно, но формальное постановление думы о порядке его встречи должно состояться заблаговременно, чтобы иметь время сделать все нужные приготовления; ввиду этого гласные ожидали, что настоящее экстренное заседание и будет посвящено вопросу о предстоящем чествовании священной для русских людей памяти, тем более, что, в противном случае, можно опоздать с постановлением, так как, во всяком случае, тело должно прибыть в непродолжительное время. Между тем на повестке не было даже и упомянуто о сделанных предложениях по этому поводу, и, следовательно, в силу правил о порядке слушания дел в думе, никаких постановлений состояться не могло, и председатель собрания не вправе был бы даже допустить прения. На все вопросы и выражения удивления по этому поводу со стороны собравшихся немногих гласных городской голова и его временный товарищ П. Яблонский давали уклончивые ответы, ссылаясь, между прочим, на то, что доклад управы еще не приготовлен, так как 28, 29 и 30 августа были *неприсутственные* дни. Само собою разумеется, что все разговоры собравшихся гласных сосредоточены были исключительно на злобе дня. Одни очень энергично протестовали против халатного отношения городской управы и подобного nepозволительного игнорирования выдающихся событий, другие обсуждали и разъясняли внесенные ими предложения и т. д. Были, однако, лица, с торговцем коровьим маслом г. Абатуровым во главе, которые высказались за отклонение всех сделанных предложений о чествовании памяти Ивана Сергеевича.

— Я разделяю мнение Кулькова, — кричал он, — мы не знаем западника Тургенева, и нам нет до него дела. Наше дело торговое, а Тургенев — из „писателей“, бог с ним!» («Новости и Биржевая газета», 1 сентября).

Двумя днями ранее та же газета напечатала сообщение о том, что «по почину состоящих на некоторых из заводов и фабрик Петербургской и

«ТУРГЕНЕВ ПОКИДАЕТ ХРАМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
 Аллегорический рисунок М. М. Чемоданова («Эмче»). Литография
 «Русский сатирический листок», 10 сентября 1883 г., № 28

Выборгской сторон мастеров, посещавших школы для рабочих Русского технического общества, между рабочими этих фабрик и заводов собрана сумма на приобретение венка для возложения на гроб И. С. Тургенева».

В. П. Мещерский с возмущением писал в «Гражданине» 4 сентября: «Бабье лето продолжается. Продолжается и всевозможная возня в честь и память Тургенева. Право, люди с ума сходят. Кто собирает всех наборщиков Петербурга на сход в воскресенье для устройства церемонии-ла чествования наборщиками Петербурга Тургенева! Мало того: городской голова, он же издатель сочинений Тургенева, агитирует между купцами, мещанами и ЦЕХОВЫМИ Петербурга, и подымает их ходатайствовать в участии в похоронной процессии всех цехов Петербурга вместе с их цеховыми знаменами <...> Как бы только молодежь учащуюся не встревожили. Мне сдается, что вся эта агитация в подземелье трущобных газеток ведется только со смутною надеждою растревожить и взбудоражить учащуюся молодежь...»

Сообщенное «Новостями и Биржевой газетой» известие, что некоторые фабриканты и заводчики Петербурга хотят закрыть в день похорон Тургенева свои предприятия «для доставления рабочим их фабрик и заводов возможности отдать ему последний долг», всполошила полицию, пришедшую в ужас от мысли, что к похоронной процессии могут присоединиться тысячи рабочих. Были приняты немедленные меры для предотвращения этого «бесчинства». Редактор и сотрудники газеты были подвергнуты особому допросу (см. «Новости и Биржевая газета», 17 сентября и «Гражданин», 2 октября).

26 августа в «Русских ведомостях» было помещено следующее сообщение из Петербурга: «Сегодня по случаю смерти Тургенева на улицах столицы вывешены портреты покойного в глубоком трауре».

Сотрудник «Новостей и Биржевой газеты» сообщал через день: «На углу площадки, перед католической церковью, портрет Тургенева был выставлен фотографом Шапиро под черным балдахином на стене, обтянутой черным сукном. Это, сколько я помню жизнь наших городов, первый такой вид общественного траура...»

28 августа газета существенным образом дополнила это известие: «По распоряжению полиции траурная драпировка с выставки фотографа Шапиро снята».

В Москве, Петербурге, в провинции и за границей производился в это время успешный сбор пожертвований для сооружения памятника Тургеневу⁸. Жители Петербурга предлагали поставить памятник в самом центре столицы, посередине Александровского сада. Один из цветоводов-любителей выразил при этом готовность устроить и содержать на свой счет цветник вокруг памятника⁹. «Орловский вестник» заявил, что «городом для постановки памятника Тургеневу должен быть избран по всей справедливости Орел»¹⁰.

Чествование памяти Тургенева, проходившее в течение августа-сентября 1883 г. во всех уголках России, принимало разнообразные и нередко волнующие формы:

«Нет такого крупного центра, где бы не было постановлено учредить стипендию имени Тургенева или устроить его же имени народную школу, назвать его именем улицу или площадь и т. п.» («Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 842).

«Спрос на портреты Тургенева весьма значителен <...>, — сообщало „Северное телеграфное агентство“. — Происходят сборы на венки, а в педагогических кружках — на издание некоторых сочинений Тургенева, которые предполагается раздавать народу бесплатно во время перенесения гроба на кладбище» («Русские ведомости», 27 августа).

«Петербургская газета» отмечала в номере от 14 сентября: «Спрос на портреты И. С. Тургенева до того велик, что фотографии едва успевают заготавливать их. Интересно, что они в значительном числе закупаются простолюдными».

В газетах то и дело мелькали сообщения вроде следующих:

«Вчера секция зоологии и антропологии при съезде естествоиспытателей и врачей постановила назвать именем Тургенева некоторые вновь открытые формы растительного и животного царств» («Русские ведомости», 28 августа).

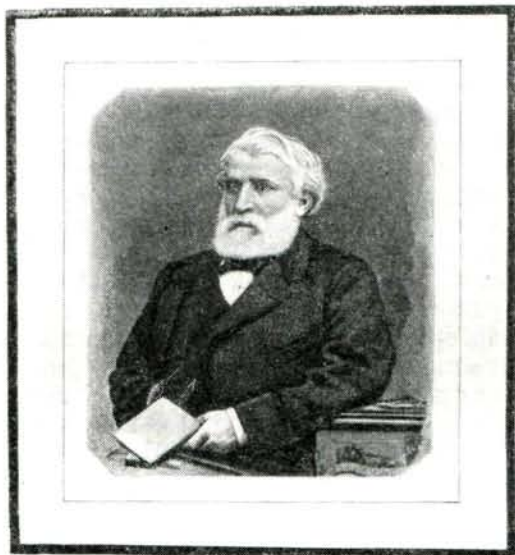
Петербургскими вольнопрактикующими врачами «собрана сумма на содержание в продолжение полного курса одного студента в Медико-хирургической академии с наименованием его пансионером И. С. Тургенева» («Новости и Биржевая газета», 17 сентября).

«Самарская городская дума постановила старейшее в городе училище именовать училищем Ивана Сергеевича Тургенева и учредить две стипендии имени Тургенева» («Русский курьер», 10 сентября).

«Некоторыми из содержательниц частных школ в Петербурге решено в память И. С. Тургенева допускать к безвозмездному обучению в их школах по несколько учеников или учениц» («Новое время», 30 августа)¹¹.

Но вот несколько газетных сообщений, дающих наглядное представление об обстановке, в которой проводились эти мероприятия:

«В заседании съезда учителей Московского уезда 24 августа одна из учительниц, г-жа Овчинникова, просила слова, чтобы заявить о кончине И. С. Тургенева и сделать по этому поводу предложение; но председатель

Иван Тургенев. Тургенев. 1. 22 августа 1883 г. (изд. 1883 г.)

ТУРГЕНЕВ

Гравюра И. И. Матюшина с рисунка К. И. Тихомирова
«Иллюстрированный мир», сентябрь 1883 г., № 29

съезда заявления г-жи Овчинниковой, как не вошедшего в программу съезда, не допустил...» («Русские ведомости», 26 августа).

«В Одессе возникла мысль почтить память Тургенева, назвав его именем одну из хороших улиц. Официально одобренная градоначальником, мысль эта встретила оппозицию между гласными думы. Один из них (г. Бартли) восстал против нее „...Что сделал Тургенев для Одессы? Какое он имеет отношение к ней?“ Другой гласный (г. Бухтеев) пошел еще дальше: „из человека, бесполезного для Одессы, Тургенев обратился в человека, вредного для России“».

«30 августа в г. Вязниках происходило торжественное открытие нового городского училища <...> Было сделано предложение в смысле открытия сбора на стипендию И. С. Тургенева. Предложение было принято с большим сочувствием городскими представителями, по большей части купеческого сословия, и деньги щедро посыпались на тарелку. Как вдруг вбегает испуганный городской голова и накидывается со всевозможными устрашениями на открывших сбор. „Я не отвечаю, не отвечаю, — кричал он, — принимайте на себя!.. Вы за это ответите! <...> Сбор должен был прекратиться,

так как все стали отказываться от участия в „нелегальном деле“» («Русский курьер», 12 сентября).

«...в заседании комиссии народных чтений 23 сентября, между прочим, возбужден был вопрос, каким образом почтить память покойного И. С. Тургенева. Выражено было желание устроить одно народное чтение исключительно из отрывков сочинений знаменитого русского литератора, но оказалось, что комиссия не имеет на это права, так как ей разрешены для прочтения народу брошюры лишь „одобренные“ в Петербурге в Соляном городке. Ввиду этого решено было ограничиться панихидой в церкви московского почтамта в день похорон И. С. Тургенева в Петербурге» («Русские ведомости», 25 сентября).

Следует заметить, что панихиды явились той формой чествования памяти Тургенева, против которой правительство не осмеливалось выступить открыто, хотя не могло не сознавать, что они являются вынужденной формой выражения отнюдь не религиозных чувств. Газеты ежедневно с воодушевлением сообщали о панихидах в крупных и малых городах России — Баку, Белостоке, Брянске, Варшаве, Вильне, Витебске, Воронеже, Гродно, Динабурге, Ейске, Екатеринославе, Калуге, Киеве, Кинешме, Кишиневе, Курске, Луцке, Мариуполе, Миргороде, Нерчинске, Нижнем-Новгороде, Новгороде, Новочеркасске, Одессе, Орле, Павловске, Полтаве, Пскове, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Тамбове, Ташкенте, Твери, Тифлисе, Томске, Туле, Царицыне, Череповце, Шуге и др. Происходили эти панихиды в городских соборах, университетах, мужских и женских гимназиях, синагогах, студенческих общежитиях, консерваториях, театральных училищах, библиотеках и пр. С речами о покойном писателе во время этих панихид, как правило, выступали священники, законоучители, изредка — преподаватели литературы, профессора. Разумеется, студенчеству и другим «неблагонамеренным» элементам возможности выступить на этих официально одобренных «собраниях» почти не представлялось. О том, как относились к ним студенты и большая часть профессуры, мы можем судить по следующему репортажу П. Д. Боборыкина о заупокойной обедне в церкви Московского университета:

«Служба давно уже началась, а церковь совсем почти пуста. Стоят три-четыре десятка студентов у входа, под хорами да собственно в церкви — несколько профессоров и сторонних лиц направо; налево столько же дам. К панихиде набралось еще столько же...» («Новости и Биржевая газета», 5 сентября).

На состоявшейся в петербургском Казанском соборе 2 сентября панихиде присутствовали русские и иностранные представители прессы, заслуженные литераторы и ученые.

«По случаю позднего объявления о панихиде, — писали „Русские ведомости“ 3 сентября, — собрались немногие. Между прочими были: Гончаров, Салтыков, Григорович и Потехин; присутствовал также бывший московский городской голова Третьяков».

На панихиде в Московском театральном училище 27 августа вместо наемных певчих пел по собственному желанию хор русской оперы и присутствовала почти вся труппа Малого театра во главе с И. В. Самариным, М. Н. Ермоловой и Н. М. Медведевой («Русские ведомости», 28 августа).

Редактор «Гражданина» с возмущением писал в своей газете 28 августа:

«Рекламы торгашей, черные рамки на газетах <...>, какие-то фантастические известия о панихидах, вдруг везде отслуженных <...>, какие-то *народные венки* от никому в России не известных газеток <...> Мало ли Россия понесла тяжких утрат за эти двадцать последних лет, и сходили в могилу ее великие сыны... А черных рамок на газетах не было, фотографии

Шапиры не делали импровизированные траурные декорации на улицах — для рекламы своей лавочке... Ведь Филарета имела несчастье Россия и с нею весь мир христианский потерять в эти годы! А панихид не требовали газеты, сколько помнится, во всех учебных заведениях России!..»

О том, что *обрядовая сторона* панихид по Тургеневу воспринималась русской интеллигенцией не только с безразличием, но и с подчеркнутым презрением, сохранился ряд весьма любопытных свидетельств. Вот, например, как описывал в передовой статье «Гражданина» 4 сентября тот же Мещерский «панихиду русских литераторов по Тургеневе» в Казанском соборе (о которой мы упоминали выше): «Многочисленна, по-видимому, была семья этих пришедших на панихиду по Тургеневу русских литераторов, а между тем я никогда в сорок четыре года своей жизни не испытал такого тяжелого впечатления на панихиде, как сегодня <...> Один священник и один диакон, торопливыми голосами спешащие произносить, глотая на половину, никому не слышные звуки, и *один причетник*, вместо хора певчих, поющий почти шёпотом молитвы, в то самое время пока диакон и священник произносят молитвы. Десять минут спустя после начала — панихида была окончена. Возле меня стояли простые люди, глубоко смутившиеся этою панихидою. Одному из них показалось, и он громко высказал эту мысль, что, вероятно, нарочно интеллигенты собрались на заказанную ими панихиду, чтобы показать полное пренебрежение к тому, что называется церковною службою <...> И посреди этой картины — ни одного крестного знамения с теплотою, ни одного взора, поднятого к небу, ни одной ласки доброты и любви во взгляде... Какие-то странные, всех и всё словно ненавидящие люди собрались совершить что-то неприятное, что-то страшное... Вот общее впечатление и, к сожалению, главное <...> Мы поняли многое другое... Мы поняли, почему от этих гордых людей наша бедная молодежь получает соблазн и смущение в душу, но не дары радости, не слова любви, ободрения и веры...»

Он же замечал в другой статье о панихидах по Тургеневу — от имени своего явно вымышленного собеседника:

«Бога ради, не говорите мне об этом отвратительном кощунстве! Собираются просто для скандала совершенно неверующие люди, ногой не ступающие в церковь, разговаривают спиной к алтарю, как в клубе или каком-нибудь Пушкинском кружке. Если же они верующие — почему они не служили во время болезни покойного молебнов о его здравии? <...> Все это шум, скандал, нужные для кого-то и для чего-то: выказать ли самостоятельность общества, приучить ли его к демонстрациям — почему я знаю» («Гражданин», 11 сентября).

Заданный с провокационной целью и чрезвычайно меткий вопрос — «если же они верующие — почему они не служили во время болезни покойного молебнов о его здравии?», — недвусмысленно разъясняет чисто оппозиционный характер поминальных богослужений по Тургеневу.

«Здесь много говорят о том, что на похоронах Тургенева возможны демонстрации политического характера, — писал 13 сентября петербургский корреспондент лондонской газеты «Times» (Добсон?). — Скорее всего, однако, узколобые чиновники усмотрят демонстрацию в том, что не имеет с ней ничего общего, и вмешаются без каких бы то ни было оснований. Опасаться этого приходится: говорят, что полиция уже приказала фотографу с Невского проспекта убрать траурную драпировку с большого портрета покойного писателя, выставленного им в витрине. История маловероятная, но тупость мелких русских чиновников вошла в поговорку. Во всяком случае, как бы ни отнеслись к этому власти, у гроба Тургенева соберутся почти все представители современной литературы, из которых чуть ли не каждый так или иначе пострадал за свои произведения или взгляды и, конечно, не может забыть о том, что и Тургенев в свое время был их достойным

сотоварищем и также подвергался преследованиям. В депутации одной лишь городской думы будут две выдающиеся жертвы газетной цензуры: А. Краевский, старейшина русского журнализма, владелец „Голоса“¹², и М. Стасюлевич, бывший издатель „Порядка“¹³, до сих пор являющийся редактором и издателем журнала „Вестник Европы“. Помимо этих и десятков других известных лиц, связанных с литературой и с различными общественными учреждениями и союзами, не следует забывать еще и о студенчестве. Сегодня открывается учебный год в школах и университетах; по слухам, многие из студентов и другие лица желают, чтобы останки Тургенева были привезены вечером — дабы устроить факельное шествие по улицам к кладбищу¹⁴.

Из всех русских писателей Тургенев, пожалуй, был наиболее далек от политики и каких-либо партийных симпатий, поэтому только его общеизвестное убеждение в невозможности жить в России может дать пылким либералам опору для выражения протеста против того порядка вещей, который вынудил писателя жить и умереть в добровольном изгнании. Это-то и навело власти на мысль, что замышляется подобное выражение протеста. Что же касается неприязни официальных кругов и ныне модных литературных течений к Тургеневу как к западнику, то приходится с прискорбием отметить, что это ничем не оправданное чувство проявилось не только среди представителей купечества в С.-Петербургской думе и других собраниях, где слышались возражения против оказания почестей покойному романисту, но даже и в поведении „Московских ведомостей“, которые, к своему вечному позору, как выразился один либеральный орган, до сих пор никак не откликнулись на это событие. В противность всем своим современникам всяких оттенков, г. Катков не написал в своей газете ни единой строки о смерти великого писателя¹⁵. В то время, как все города, университеты и общества, все печатные органы в империи не перестают оплакивать национальную утрату, г. Катков хранит презрительное молчание и, в соответствии с добрыми нравами русского журнализма, подвергается далеко не молчаливым выражениям презрения со стороны петербургской прессы.

Принимая во внимание полуофициальное покровительство, оказываемое теперь органу Каткова, как наиболее угодному правительству, в чем все — справедливо или несправедливо — убеждены, уже одно это странное молчание нагнало страх на многих либералов, которые желали бы почтить имя Тургенева, и способствовало, вероятно, убеждению, что власти без особого одобрения взирают на чрезмерный ажиотаж вокруг гроба покойного писателя. Катков и Тургенев были когда-то большими друзьями, но, когда первый резко изменил свои политические взгляды, между ними произошло охлаждение; окончательный разрыв совершился, кажется, в дни пушкинских торжеств в Москве.

За этими исключениями, не только вся Россия, но и все славянские государства чтят память Тургенева. Даже поляки и евреи считают, что он был настолько свободен от предрассудков и предубеждений, свойственных многим его соотечественникам, что теперь их печатные органы полны похвал покойному писателю. Среди петербургских поляков уже началась подписка на венок. Тургенев очень дружил с несчастным польским писателем и поэтом Крашевским, недавно попавшим в германскую тюрьму; оба они были добровольными изгнанниками. Петербургская польская газета „Kraj“ в довольно мрачном тоне пишет о судьбе этих двух крупнейших представителей современной славянской литературы, один из которых умер в изгнании, а другой попал в заключение на чужбине. Из Аграма, где сейчас происходит борьба хорватов против австро-венгерского владычества, пришли выражения живейшего сочувствия, но упоминание о них в печати было запрещено, не столько из-за того, что в них говорится о Тургеневе, сколько, вероятно, из-за пылко выраженных надежд на будущую

роль России как главного защитника славянства. Эта надежда на Россию у хорватов, по-видимому, крепнет из-за нынешних действий австрийского правительства и представляется немаловажным фактом...»¹⁶

Вопрос о месте погребения Тургенева в связи с высказанным им пожеланием быть похороненным рядом с Белинским, вызвал в русской печати продолжительные дебаты.

26 августа в «Новом времени» появилось адресованное в редакцию письмо некоего Андрея Лохтина, который со слов смотрителя Волковского кладбища сообщил, что «не только рядом, но и вблизи могилы Белинского нет решительно места для новой могилы» и что смотритель посоветовал выбрать для Тургенева «другое, более лучшее место» и перенести туда прах Белинского, Добролюбова, Дельвига и др. Отвечая на возражения «Петербургской газеты», Лохтин в новом письме, датированном 28 августа, повторил, что места для Тургенева рядом с Белинским нет. «Можно отодвинуть могилу Добролюбова, чтобы образовалось пространство аршина в полтора, — добавлял он, — но, не говоря уже, что в такой тесноте <...> очень затруднительно будет поставить хороший памятник, едва ли имеется на это право, так как, сколько помнится, Добролюбов схоронен рядом с Белинским тоже по <его> желанию...» («Новое время», 30 августа).

В начале сентября специальная комиссия от Петербургской городской думы посетила Волково кладбище. Она приняла решение отодвинуть в сторону прах Добролюбова, а Тургенева похоронить между ним и Белинским, поставив для всех троих общую ограду¹⁷.

Через неделю петербургские газеты сообщили читателям, что для могилы Тургенева выбран другой участок — около Соборной церкви. Распорядители похорон приобрели здесь место на десять могил за полторы тысячи рублей. Для того чтобы исполнить желание покойного, было решено ходатайствовать разрешение о переносе гробов Белинского и Добролюбова для погребения рядом с недавно умершим писателем.

Это поражающее своей бестактностью решение (хотя и продиктованное наилучшими намерениями) вызвало, как известно, решительный протест со стороны вдовы Белинского¹⁸.

3 сентября на заседании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) была избрана особая комиссия для встречи тела Тургенева и организации его похорон. В нее вошли: Д. В. Григорович (председатель), В. П. Гаевский, И. И. Глазунов, В. Д. Спасович и Н. С. Таганцев.

10 сентября в хроникальной заметке «Нового времени» сообщалось: «Г-жа Виардо, письмом на имя г-на министра внутренних дел, полученным 6 сентября, ходатайствовала о разрешении перевоза тела И. С. Тургенева для погребения на Волковом кладбище. 7 сентября последовало разрешение этого ходатайства, о чем г-жа Виардо уведомлена телеграммой и о пропуске тела сообщено в верховную пограничную таможню»¹⁹.

В том же номере была напечатана следующая заметка: «Как известно, петербургская городская дума уже признала необходимость чествования памяти покойного И. С. Тургенева. Известно также, что городской голова, повестками известив гласных думы о кончине Ивана Сергеевича, просил их, кому будет угодно, встретить тело покойного, когда оно будет привезено в С.-Петербург, и отдать последнюю честь усопшему. Теперь нам передают, что на днях городская управа обсудила остальные вопросы о чествовании памяти Тургенева; в заседание были приглашены Д. В. Григорович и некоторые гласные. Городская управа единогласно постановила: 1) Расходы по перевозу тела <...> от Вержболова до С.-Петербурга <...> и по погребению его принять на городской счет, для чего потребную сумму, примерно до 3000 рублей, отпустить в Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с тем, что если от этой суммы будет остаток, то присо-

единить его к сумме, которая, по всему вероятно, будет собираться на устройство памятника. 2) Испросить установленным порядком разрешение на учреждение в С.-Петербургском университете стипендии имени Тургенева, на которую ассигновать 6000 рублей<...> 3) Открыть в местности <...> два начальных городских училища.

«Сегодняшнее заседание С.-Петербургской городской думы привлекло значительное число гласных, благодаря тому, что первым на очереди стоял вопрос о чествовании памяти Тургенева,— сообщали «Новости и Биржевая газета» 13 сентября. — В собрании за отсутствием городского головы председательствовал исполняющий должность его товарища П. О. Яблонский <...> Когда <...> председатель объявил: „На очереди вопрос о чествовании памяти Ивана Сергеевича“, в зале воцарилась мертвая тишина и только послышались голоса: „Принимаем, согласны“. Был прочитан известный уже нашим читателям доклад о предположениях управы, которая, между прочим, просит ассигновать 3000 рублей на похороны Тургенева». По этому поводу просил слова тайный советник Домонтович, отвергавший этот расход, который может послужить «опасным прецедентом на будущее время, так как нам придется всех выдающихся деятелей хоронить на свой счет», и предложил похоронить Тургенева на средства, собранные в складчину среди гласных. Домонтовичу отвечал М. М. Стасюлевич, заявивший, что Тургенев не принадлежал к числу бедных литераторов и в общественной благотворительности не нуждается; если город хочет хоронить его на общественный счет, то только чтобы оказать честь его памяти. «Стипендии и школы открывают везде, во всех городах России, а на нашу долю выпало счастье иметь свою, так сказать, собственность — драгоценные останки великого писателя <...> Такая складчина была бы оскорблением памяти Тургенева!»

Затем собрание без прений единогласно постановило сумму до 3000 рублей отпустить из городской кассы в Литературный фонд, ассигновав на учреждение в Санкт-Петербургском университете 6000 рублей, открыть два начальных городских училища в память Тургенева».

Эти постановления С.-Петербургской городской думы были опротестованы градоначальником Грессером; вопрос о денежной дотации разбирался во всех правительственных инстанциях в течение целого десятилетия. Деньги, в конечном итоге, так и не были выданы.

Глава II

ПРОВОДЫ ПРАХА ТУРГЕНЕВА В ПАРИЖЕ.— НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ.— ПРО-
ВОКАЦИЯ ПРУССКИХ ВЛАСТЕЙ.— В ВЕРЖЕБОЛОВЕ.— ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРО-
ЦЕССИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ.— РЕЧИ НА КЛАДБИЩЕ.— ВЕЧЕР ПАМЯТИ ТУР-
ГЕНЕВА.— НЕКРОЛОГИ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ

«Распорядители проводов и отправления тела И. С. Тургенева в Париже,— сообщалось в «Новостях и Биржевой газете» 20 сентября,— получив в прошедший вторник, 13 сентября, известие из Петербурга телеграммой, что все готово к встрече и преданию земле усопшего, назначили было днем отправления четверг, 15 сентября; но оказалось, что необходимые бумаги, которые должны были быть отправлены вместе с гробом, находятся в столе покойного; для снятия наложенных на него, по закону, печатей, необходимо было исполнение некоторых формальностей, требовавших времени. Распорядители желали также взять и одновременно с телом Тургенева доставить и такие из его вещей, которые после его смерти могут принадлежать одной России; таковы: известный перстень Тургенева с руки Пушкина, подаренный покойному поэтом В. А. Жуковским <...>;

далее докторская мантия и шапка, возложенная на Тургенева в Оксфорде (...) Рассчитывая дня в два выполнить упомянутые формальности, распорядители назначили днем отъезда прошедшую субботу, 17 сентября, но тут встретилось другое препятствие: в этот самый день, оказалось, назначен был въезд в Париж испанского короля Альфонса XII; прием его должен был совершиться именно на Северной станции железной дороги, где должна была быть исполнена церемония проводов тела И. С. Тургенева. Таким образом, пришлось поневоле еще раз отложить отъезд...»

*Les amis d'Ivan Tourguenoff sont priés
d'assister à la cérémonie d'adieu qui aura lieu
le Lundi 1er Octobre à trois heures très-précises des
après-midi, à la Gare du Nord.*

On entrera par la porte des Marseillais, rue de Maubeuge.

Cette carte servira d'entrée jusqu'à 2^h 1/2.

À partir de cette heure, l'entrée sera libre.

Deux personnes.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ЦЕРЕМОНИЮ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ТУРГЕНЕВА.
ЦЕРЕМОНИЯ СОСТОЯЛАСЬ В ПАРИЖЕ НА СЕВЕРНОМ ВОКЗАЛЕ
19 СЕНТЯБРЯ/1 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Во вторник, 20 сентября/2 октября тело Тургенева было, наконец, перевезено на станцию Северной железной дороги в Париже. «В половине второго часа пополудни в склепе русской церкви, что на улице Дарю, была отслужена священником о. Васильевым с причтом „напутственная панихида“, — сообщал на следующий день из Парижа корреспондент «Русских ведомостей» Б. Чивилев, — а затем гроб был положен в специальный фургон и отвезен на вокзал, где в одном из обширных амбаров двора des Messageries * была устроена траурная хранилища (chapelle ardente), имевшая очень торжественный вид. Двенадцать больших канделябр с хрустальными украшениями и каждая в шестьдесят толстых восковых свечей производили величественное впечатление. Друзей и поклонников усопшего впускали по билетам. Набралось приблизительно четыреста человек, между которыми не менее ста французов и француженок в траурных платьях. Я заметил г-жу Эдмон Адап, Эмиля Ожье, Золя, Доде, Авраама Дрейфуса, издателя Гетцеля, актера Дьёдоне, нескольких франмасонов, многих русских эмигрантов, возложивших вновь венок на гроб автора „Отцов и детей“, барона Горация Гинцбурга, Вырубова, Жюля Симона, Эдмона Абу, Ренана, русского генерального консула Карцова и нескольких русских художников **. Были также и поляки. Отец Васильев с причтом

* Грузовых перевозок (франц.).

** Корреспондент «Нового времени» указывает, что видел на панихиде «умное, но несколько суровое лицо Жюля Симона, стриженую, обрамленную черной бородой

отслужил над гробом, за черными драпировками, литию. Среди собрания царствовала мертвая тишина, прерываемая лишь резкими свистками и зычным пусканием пара железнодорожных поездов <...>.

Для ораторов была приготовлена особая трибуна, обитая черным сукном с серебряным позументом. Первая речь была произнесена Эрнестом Ренаном, который тоже превращается уже в дряхлого старика *. Он мал ростом, но очень тучен и сутуловат; длинные волосы поседел, глаза заплалили и лицо обрюзгло. Неблагодарная наружность не мешает быть Ренану замечательным оратором).

«Мы не отпустим без прощального слова этот гроб, возвращающий отчизне гениального гостя, которого мы знали и любили в течение долгих лет <...>, — так начал свое выступление Ренан. — Душа его не была душой отдельной личности, более или менее богато одаренной природой — то была, некоторым образом, совесть целого народа <...> Честь и слава великой славянской расе, появление которой на авансцене истории есть самый поразительный феномен нашего века; честь и слава ей, что она так рано нашла выразителя в таком несравненном художнике». Подчеркивая «умиротворяющую миссию» Тургенева, являющегося «общей славой и гордостью всех партий, между которыми господствует рознь», Ренан утверждал, что русский писатель «открывает великую эру всепрощения». «Когда ты будешь покоиться в твоём отечестве, — заключал он, — пусть все, кто придет поклониться твоей могиле, вспомнят с симпатией о той далекой земле, где ты находил столько сердец, умевших понимать и любить тебя!»

«Когда Ренан сошел с траурной кафедры, — писал корреспондент «Русских ведомостей», — его провожал приветственный шёпот присутствовавших. Его заменил Эдмон Абу и по записке прочел речь от имени общества литераторов. Абу — статный мужчина с круглым, выразительным лицом, толстым, чисто русским носом и огненными глазками; и он ныне уже совершенно поседел».

«Иван Сергеевич, вы перестали страдать, но вы не умерли вполне, — так начал Абу. — Теплая и живительная кровь течет еще в ваших книгах <...> Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России <...> Я прочел в газетах, что некто из самой многочисленной и самой сильной касты, из касты глупцов, сказал: „Я не знаю Тургенева, это европеец, а я русский купец“. Этот простак поместил вас в чересчур тесные пределы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству <...> Великие государственные люди, ваши соседи на западных границах, знают, что их ожидает после смерти. У них будут железные статуи, поддерживаемые военнопленными, побежденными, захваченными, несчастными, закованными в цепи. Кусочек разбитой цепи на белой мраморной плите всего лучше шел бы к вашей славе и удовлетворил бы, я уверен в том, ваше скромное самолюбие» ²⁰.

«Речь Абу, как и речь Ренана, несколько раз подчеркивалась признанным шепотом присутствовавших», — отмечал Чивилев. Другой же коррес-

голову Эмиля Золя, старческую фигуру дряхлого историка-сенатора Анри Мартена, Эмиля Ожье, м-ше Ада в глубоком трауре, единственного французского слависта проф. Луи Леже, г-жу Гревиль и целую группу журналистов как французских, так и иностранных («Новое время», 25 сентября). В «Figaro» от 19 сентября отмечалось также присутствие Эрнеста Доде, кн. Любомирского, Робера Боньера, Эдмона Дювернуа и Кабе (см. «Новости» от 24 сентября).

* «После краткой молитвы о. Васильева с причтом, — продолжает корреспондент «Нового времени», — на траурной трибуне появился низкий, коренастый старик с выбритым лицом и длинными седыми волосами.

— Monsieur Renan parlera au nom des amis du défunt! (Господин Ренан будет говорить от имени друзей покойного!) — провозгласил ослиный maître des cérémonies funèbres, — и Ренан, поминутно заглядывая в корректурные оттиски своей речи, рукопись которой уже накануне сдана была в редакцию „Temps“, начал говорить тихим, слегка дрожащим голосом...» (там же).

Всемирная иллюстрация

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ТУРГЕНЕВА НА СЕВЕРНОМ
ВОКЗАЛЕ В ПАРИЖЕ 19 СЕНТЯБРЯ/1 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Э. Ренан произносит речь

Гравюра с рисунка К. О. Брожа

«Всемирная иллюстрация», 1 октября 1883 г.

понтент (Рич) утверждал, что речь Ренана «не произвела никакого почти впечатления на присутствовавших; ее выслушали молча, тогда как Абу удостоился восклицаний одобрения как за возражения знаменитому отныне петербургскому гласному, протестовавшему против участия думы в похоронах Ивана Сергеевича, так и за противопоставление будущих мону-ментов германским и прусским государственным мужам — с памятником, соответствующим общественно-литературной деятельности Тургенева, а между тем речь Ренана была, конечно, глубже и метче определяла значение великого писателя» («Новое время», 25 сентября).

«Третья речь была произнесена Вырубовым, — продолжал корреспондент «Русских ведомостей». — Он высокий и очень худощавый блондин, чрезвычайно симпатичной наружности. Голос его тоже симпатичный,

ясный и громкий. Он говорил по-французски без малейшего акцента или, вернее, с чистейшим парижским акцентом.

Цензурные условия не позволили русским газетам воспроизвести речь Г. Н. Вырубова. Одни из них ограничились кратким пересказом и цитатами; другие — например, «Новое время», вступили с оратором в полемику, стараясь оглушить ее основные положения.

Приводим речь Вырубова полностью. Мы перевели ее с текста, напечатанного в газете «Justice» 4 октября:

«Уже второй раз выполняю я свой скорбный долг, произнося слова приветия над гробом прославленного русского, скончавшегося на французской земле.

Тринадцать лет тому назад я сказал несколько слов на могиле Герцена, сегодня я пришел сказать последнее „прости“ Тургеневу.

Причудливая превратность общественных отношений! Причудливая судьба людская! Могила Герцена все еще находится в земле изгнания, тогда как бранные останки Тургенева вскоре торжественно возвратятся в Россию. А между тем эти два братских ума, эти два благородных сердца, вышедших из одной и той же среды, сроднившихся между собой узами тесной дружбы, принадлежали общему делу, стремились к общему идеалу прогресса и свободы.

Отчего же возникло столь несправедливое различие между двумя неутомимыми пионерами русской цивилизации? Этому вопроса стоит коснуться перед гробом Тургенева. Ответ вы, конечно, угадываете, господа. Тургенев обладал чем-то большим, чем идея, которая, как бы верна она ни была, может иногда столкнуться с глубоко укоренившимися предрассудками; он обладал чем-то большим, чем принципы, которые, как бы верны они часто ни были, идут вразрез с сложившимися привычками; он обладал формой, той безупречной и совершенной формой выражения, секрет которой известен только великим писателям.

Окутанная складками своего чудодейственного воображения, мысль, как бы смела она ни была, может безнаказанно быть выслушана всеми, может проникнуть в сознание всех, не пробуждая подозрительности и обиды.

И действительно, идеи, которые Тургенев облакал в форму своих рассказов и романов, были чрезвычайно смелы. Религиозный скептицизм, политический либерализм в самом разнообразном виде — все это было изложено великолепным языком незнакомых персонажей, которых, тем не менее, нельзя не любить. Все это было окружено великолепным пейзажем, которым восхищаешься, даже никогда не видав его.

Вот в чем секрет силы и оригинальности Тургенева. Для Европы, которая давно уже читала и ценила его, он был лишь чудесным художником. Для России он был воспитателем, родоначальником, апостолом, тем более благотворным, что он вызывал восхищение даже у тех, с чьим учением он так страстно боролся. Вот почему господа русские либералы, все, без различия оттенков, произносят перед этим гробом слова признательности и глубокого уважения.

Душа великая и чистая одновременно, душа художника в самом обширном, самом всеохватывающем смысле этого слова, отзывчивая на все благородные стремления, на все великодушные начинания, Тургенев принадлежал к числу прекраснейших явлений в истории русской литературы.

Другие люди, более компетентные, чем я, без сомнения, со временем разъяснят, насколько велик писатель, которого только что лишилась Россия. Я могу уже теперь сказать, не опасаясь встретить возражения, что вместе с ним исчезает одна из тех общественных сил, в которых так сильно нуждается Россия, один из тех элементов примирения и согласия, кото-

рые помогают народам, в особенности народам юным, благополучно миновать переломные моменты в своей истории.

Бедный, милый усопший! Когда идеал, о котором ты грезил для своей родины, будет достигнут, — а достигнут он будет — можете в этом не сомневаться, — когда сближение Востока и Запада, которому ты посвятил свою жизнь, станет свершившимся фактом, — ты не сможешь наслаждаться своим торжеством. Но удел человека — смерть. Бессмертно и нетленно лишь искусство, которое посвятило себя служению великой идее, и идея, посвятившая себя служению великому делу.

Ты был художником, выдерживающим сравнение с любым из художников; ты терпеливо и честно работал во имя человеческого прогресса, поэтому ты умер не весь. Твои творения всегда будут примером и поучением; они останутся вечно юными, ибо они безгранично прекрасны, ибо в них живёт истина».

«Последние напутственные слова, — продолжает корреспондент «Русских ведомостей», — были произнесены по-русски знаменитым нашим художником Боголюбовым от имени русского артистического кружка, о котором Иван Сергеевич постоянно радел. Париж и проживающие здесь русские всех сословий и убеждений сделали свое; теперь очередь за Петербургом» («Русские ведомости», 27 сентября).

«Я не буду говорить о литературных заслугах нашего великого художника-писателя, только сейчас блестяще и верно оцененных в речах гг. Ренана, Эдмона Абу и Вырубова, — заявил Боголюбов, — но скажу, какое громадное влияние имел Иван Сергеевич как художник-писатель на среду художников, которых он так горячо любил и которым покровительствовал.

Всем известно, что в Париже существует наше небольшое общество, основанное в день достопамятного взятия Плевны. Возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю — постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанность которых он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заниматься нашим делом. Доброта души его и всегдашняя готовность помочь ближнему, столь тесно связанные с богатой натурой, известны каждому, но долг мой заявить всем, что не было из нас ни одного человека, который ушел от него неудовлетворенным помощью нравственною или материальною. В беседах своих с нами он был всегда прост, часто весел, а когда читал нам что-либо из своих сочинений, то влиял на чувства чарующим образом. Перейду теперь к Ивану Сергеевичу как высокому знатоку художества. Золотое перо его, подобно кисти при богатой палитре художника, изображало ясно и верно во его творениях словами ту неуловимую прелесть природы, доступную только такому мастеру, каким был Тургенев. Фон картин его (если могу так выразиться) был всегда верен, никогда не вымучен излишнею выработкою, но закончен настолько, чтобы читающий усвоил прямо идущие в душу подробности. Кто из нас не дышал свободно полною грудью, читая описание деревенского туманного утра с дрожащею, как алмазы, на листьях росой! А его беспредельные нивы, тенистые рощи, его болота и пруды, поросшие водорослью... И в этом-то знакомом нам пейзаже двигались и жили так же верно и сильно созданные им народные типы; это живые люди, это наш край родной с его подчас грустною прелестью, но ведущие к светлой будущности. Женщина, изображенная Тургеневым, истомленная трудом и горем, только печально терзает душу, но она не безобразна. Мужик не тонет постоянно в бесповоротном пороке, но он могуч в беде своей, разумен и счастлив — и вот в этом-то творчестве он является истинным добрым гением, указывающим художнику тот верный изящный путь к изображению родных бытовых сцен, по которому уже идет наше молодое поколение и пойдет всегда тем же честным трудом своего учителя, упрочивая славу и

вечную память Ивану Сергеевичу Тургеневу» («Газета А. Гатцука», 1 октября).

«Профессор Боголюбов говорил по-русски с видимым и искренним волнением, — сообщал Рич в свою газету 19 сентября. — Этим очень тепло сказанным словом почтенного профессора закончились наши проводы столь дорогих всем русским останков. В начале пятого часа палатка опущена, и в пять тело было уже отправлено в Россию» («Новое время», 25 сентября).

Парижский корреспондент «Отечественных записок» Шарль Шассен (Людвик) заявил в очередной «Хронике парижской жизни», описывая торжественное прощание Парижа с прахом знаменитого русского писателя: «Более тысячи человек французов и русских присутствовали при этих проводах, и четыре напутственные речи гг. Ренана, Абу, Вырубова и Боголюбова, составленные с разных точек зрения, произвели одинаково сильное впечатление на многочисленных слушателей. Во время их произнесения произошло немало рукопожатий, особенно в ту минуту, когда один из ораторов высказал мысль, что печаль о смерти усопшего значительно смягчается мыслью, что благодаря его произведениям молодой России и старой Франции стало одинаково понятным, что в их национальном духе немало общих черт, обуславливающих то, что нравственный союз этих двух народов представляет собой наивернейшую гарантию возрождения человечества» («Отеч. записки», № 10, стр. 172).

Известный географ и путешественник М. И. Венюков отмечал в корреспонденции, присланной из столицы Франции:

«Последнее „прости“ Парижа Тургеневу было, можно сказать, еще торжественнее, еще душевнее, чем отпевание его в русской церкви три недели тому назад. Да и вообще в эти три недели слава Тургенева, так сказать, выросла, если не в избранном кругу людей мысли, где она всегда была велика, то в массах <...> Обширный траурный шатер, воздвигнутый на подъезде станции Северной железной дороги, был набит битком, а кроме того, масса народа, французов, даже простолюдинов, теснилась на дворе. И все это было проникнуто почтением к угасшему даровитому писателю-иностранцу, сочувствием к нам, русским, которые его потеряли. Какая разница между этим народным сборищем и тем, которое было там же два дня тому назад по случаю приезда испанского короля! Можно сказать без преувеличения, что парижане умеют ценить заслуги тех, кто отдает свою жизнь на служение мысли, добру, красоте» («Новости и Биржевая газета», 24 сентября).

Передовая статья «Новостей и Биржевой газеты» от 21 сентября, посвященная отправлению праха Тургенева из Парижа в Россию, завершалась следующими словами:

«Последний долг, отданный французским народом на вокзале Северной железной дороги праху нашего Тургенева, скрепил наши взаимные симпатии новыми узами. Такие узы, основанные на чувстве народной любви, никогда не позабываются и в состоянии выдержать всякое испытание».

Траурный вагон из Парижа был направлен в Петербург через Берлин.

«По причинам, понять которые трудно, в Берлине не уведомили заранее о времени прибытия поезда с гробом Тургенева», — сообщали русские газеты.

27 сентября редакция «Нового времени» сочла нужным заверить своих читателей, что описываемый ниже факт не является следствием закулисных интриг русских властей («Недоразумение или умысел был тут — во всяком случае, это дело не русских намерений»). Если это действительно так, то возмутительные меры, помешавшие берлинским почитателям Тургенева оказать ему последние почести, являются

прямым следствием на шумевшей речи Э. Абу над гробом писателя, в которой он противопоставил бессмертную, истинно народную славу Тургенева брэнной славе германских правителей, воплощенной в «железные статуи, поддерживаемые военнопленными, побежденными, захваченными, несчастными, закованными в цепи». Меры, принятые германскими властями, можно расценить и как антирусский выпад, характерный для этого периода напряженных германо-русских отношений и намечавшегося франко-русского союза.

Отъ распорядителей по погребенію И. С. Тургенева.

Тѣло И. С. Тургенева прибудетъ на станцію варшавской желѣзной дороги въ С. Петербургъ, во вторникъ, 27 числа, въ 10 час. 20 мин. утра. Депутации съ вѣнками, участвующія въ процессіи, направляются по Забалканскому проспекту и при входѣ на Ново-Московский мостъ получаютъ отъ распорядителей билеты съ нумерами, отвѣчающими номеру заблаговременно назначеннаго мѣста въ погребальномъ шествіи.

Просать прибыть на мѣсто къ 9 часамъ утра.

Р.

СООБЩЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ПРИБЫТИЯ ТЕЛА ТУРГЕНЕВА В ПЕТЕРБУРГ
И О ПОРЯДКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ПОХОРОННОЙ ПРОЦЕССИИ
«Санкт-Петербургские ведомости», 24 сентября 1883 г. № 257

Немецкая газета «Berliner Börsen-Courrier» сообщала 10 сентября: «Несмотря на горестное сочувствие, с которым обширный круг почитателей Тургенева ожидал дня прибытия его праха в Берлин, чтобы почтить его венками, никто не мог в точности узнать времени его прибытия. Служащие на железной дороге сами не знали ничего определенного и не могли дать никаких сведений. Маленькая толпа людей, желавших возложить венки на гроб, переходила от одного вокзала к другому, из одного конца города в другой. Начальники станций говорили, что их со вчерашнего утра постоянно осыпают вопросами о прибытии гроба, и не подлежит сомнению, что если б время прибытия было в точности известно, то собралось бы очень много публики. В Потсдамском вокзале вчера, после полудня, собралась большая толпа немецких, австрийских и русских почитателей покойного, в ожидании парижского поезда, приходящего в пять часов пятнадцать минут. Два господина несли большой лавровый венок с белыми лентами. Они уже третий раз приносили его и покорно опять уносили. Явилось также несколько русских дам, временно пребывающих в Берлине; они были в отчаянии, что не могли встретить праха покойного писателя. Наконец кто-то высказал предположение, что гроб, отправленный из Парижа 19 сентября, уже проехал. Но мы полагаем, что это едва ли вероятно»²¹.

Невероятное, как увидят читатели, оказалось вполне вероятным.

На следующий день та же берлинская газета сообщала: «В то время как все думали, что тело Тургенева прибудет по Потсдамской дороге, в то время как представители литературных кружков изо дня в день бежали без усталости со станции на станцию, таща с собою венки, в то время,

наконец, когда стала вообще исчезать надежда оказать в Берлине Тургеневу последние почести, бранные останки последнего привезены были на станцию Лертской железной дороги, что никому не могло придти в голову <...> Этим и объясняется, почему при прибытии тела Тургенева там решительно никого не было, что без всякой траурной церемонии тело было перенесено в товарный склад при станции, а на следующее утро отправлено в товарном фургоне на вокзал Силезской железной дороги. Как утверждают, ящик, в котором помещается гроб, был покрыт цветами. Венки, которые здешние почитатели Тургенева предполагали возложить на его гроб, отправлены прямо в Петербург, где, следует надеяться, им будет отведено подобающее место в траурной процессии. Как бы там ни было, но нельзя не пожалеть о том, что все старания узнать что-нибудь положительное о дне и месте прибытия тела Тургенева не увенчались успехом. Правда, что Тургенев был „только“ великим поэтом, а не государственным человеком или высокопоставленным сановником»²².

«19 сентября (1 октября) тело И. С. Тургенева было отправлено из Парижа с пассажирским поездом,— писал Стасюлевич в «Вестнике Европы»,— приготовленная встреча и проводы в Берлине, которые могли бы послужить в среду или четверг непосредственным продолжением печальной и вместе торжественной парижской церемонии в понедельник, почему-то не состоялись; тело прибыло прямо в Вержболово, в пятницу (23 сентября) рано утром; оттуда выехало в понедельник (26 сентября) также рано утром — и на следующий день, во вторник, 27 сентября, в десять часов двадцать минут утра подошло к платформе Варшавской станции в Петербурге <...> Наша похоронная комиссия; избравшая меня для встречи тела в Вержболово и смены иностранных провожатых в пути по России,— весьма справедливо опасалась назначить субботу днем погребения, ввиду возможных задержек в пути. Заблаговременное назначение такого ближайшего дня могло бы ввести публику в невольный обман. Отложить день погребения на воскресенье признано было неудобным; по той же причине оказалось невозможным назначить таким днем и понедельник, 26 сентября как день праздничный *. Принимая все это в соображение, комиссия назначила встречу тела и погребение во вторник, 27 сентября; но так как прибытие тела в Вержболово, судя по упомянутой депеше, ожидалось в пятницу 23 сентября, то, чтобы не задерживать тела в Вержболове в течение трех суток, предположено было ехать из Вержболова только днем, а на ночь останавливаться в пути, так чтобы приезд тела в Петербург последовал во вторник утром <...>

В Вержболово я приехал в четверг, в восьмом часу вечера. Оказалось, что траурный вагон <...> уже прибыл из Вильны на границу согласно данному мне обещанию, но тут же мне сообщили, что о времени моего обратного пути с телом я буду извещен в свое время; кстати, мне подали тут же депешу из Берлина от провожатых, что *из* задержала там таможенная <...> Я поспешил сообщить это известие в Петербург, а также дал знать о том и на станции, где прежде предполагалось встретить тело, сопровождаемое иностранцами, с подобающею религиозною церемониею и тем скромным почетом, какой возможен маленькому вержболовскому посаду Кибартам. Так как прах покойного вступал тут впервые на родную землю, то местное русское общество, состоящее большею частью из одних служащих, желало показать иностранным провожатым, что оно, не споря с Парижем в средствах к великолепию, сделает, однако, все для него возможное, чтобы достойно почтить усопшего. Это предположение не могло

* Правительственные органы не давали согласия на совершение похорон Тургенева в праздничный день, так как это могло бы вызвать появление на улицах всего рабочего Петербурга.— Л. Л.

Конец и С. Тургенев. — Процессия с гробом на пути к Волкову кладбищу.
(Полн. Цикл.)

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА. ТРАУРНАЯ ПРОЦЕССИЯ НА ПУТИ К ВОЛКОВУ КЛАДБИЩУ.
27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Гравюра с рисунка С. Л. Шамоты

«Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г.

осуществиться по различным причинам, да и то, что случилось затем совершенно неожиданно, сделало бы напрасными все приготовления к встрече.

На следующий день рано утром, в шесть часов, к самому окошку моего номера на станции, где я провел ночь, подошел тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов, по багажной накладной, где написано: „1 — покойник“ — ни имени, ни фамилии! Мы только догадывались, что это — Тургенев, но собственно не могли знать того наверное. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для клади; около него, по стенкам вагона, стояло еще несколько ящиков, очевидно с венками, оставшимися от парижской церемонии <...>

Пока мы выносили из вагона ящик с гробом <...>, пока вынимались венки для выполнения таможенной обрядности, — настоятель приготовил в церкви катафалк и паникадила <...> Едва мы успели кончить нашу печальную работу, как на колокольне церкви раздался протяжный похоронный звон — „Vivos voco! mortuos plango!“* — Это был первый призыв и привет покойному на родине — и неизменно тяжело потрясли заунывные звуки колокола слух каждого из нас, кто понимал, что мы в эту минуту делали. Погребальная процессия сложилась невольно, сама собою:

* «Сзываю живых! Оплакиваю мертвых!» (лат.).

таможенные артельщики <...> понесли впереди, один за другим, большие и богатые парижские венки; за ними, тихо качаясь на полотенцах, подвигался медленно тяжелый гроб (около сорока пудов тяжести), а за гробом пошли попарно все, кому случилось быть при вскрытии ящика. Гроб помещился на высоком катафалке; около него к катафалку были прислонены большие венки; к ним присоединили венок от Кибартского училища, изготовленный к предполагаемой встрече, и от русского общества в г. Владиславове. Вскоре пришли дети из мужского и женского училищ и усыпали ступеньки катафалка полевыми цветами и букетиками. Мало-помалу церковь наполнилась собравшимися из посада и приезжими из Эйдткунена, где, как известно, поселилось много русских торговцев, — и в восемь часов утра началась панихида с хором певчих.

Вечером того же дня с почтовым поездом прибыли, наконец, и провожатые, дочь г-жи Виардо m-me Chamerot с мужем; другой ее зять, m-r Duvernoy, заболел и не мог сопровождать тела <...>

Было около шести часов вечера; смеркалось; под проливным дождем мы перешли небольшую аллею, отделявшую станцию от церкви. Так как, в видах санитарных, церковные двери оставались с утра открытыми настежь, то церковь никогда не оставалась без посетителей: многие приезжали из окрестностей Вержболова и Эйдткунена, услышав, что тело Тургенева останется на границе несколько дней. Мы также нашли в церкви посторонних; в углу помещался, по-видимому, художник, и снимал внутренний вид храма с гробом на катафалке, покрытом золотой парчой, окруженном теплящимися свечами и со всех сторон обставленным венками. Иностранные гости, очевидно, не ожидали встретить в нашей сельской церкви такую обстановку и были видимо тронуты представившимся им зрелищем Тургенева, мирно почивающего вечным сном в скромном деревенском храме, среди любимых им безбрежных полей, окружающих Вержболово со всех сторон...

В шесть часов вечера почтовый поезд увез иностранных гостей в Петербург <...> В субботу мы занялись в таможене очисткою венков пошлюю, так как некоторые из них были сделаны в Париже, и сделаны превосходно, из искусственных цветов, а такие цветы, как известно, обложены у нас довольно высокою пошлюю. После всенощной, в субботу же, была отслужена вторая панихида, и решено — на следующий день, в воскресенье, до обедни отслужить последнюю панихиду и вынести гроб в траурный вагон, чтобы иметь время в течение дня прочно установить гроб на катафалке и убрать его венками <...> В воскресенье в 8¹/₂ часов утра отслужена была панихида, как то предполагалось, и о. Николай Петрович Кладницкий произнес при этом краткое, тронувшее всех присутствовавших слово. Оно было первым русским голосом, приветствовавшим дорогой прах на дальнем западном рубеже родной ему земли, и потому заслуживает быть занесенным в хронику по тому тексту, как оно было после воспроизведено в газетах:

«...Пред нами бранные останки великого нашего соотечественника, прославившего и себя и свою родину своими дивными творениями; они стяжали ему венец неувыдаемой славы и поставили его, а вместе с ним и наше родное слово, наряду с величайшими современными писаниями и писателями, не только у нас в России, но и далеко за ее пределами <...> Кому из вас неизвестно также, с каким лестным для нашей национальности сочувствием отнеслись к покойному все лучшие и просвещеннейшие люди Запада, поставившие Тургенева наряду с величайшими современными поэтами! Итак, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не может быть чужда никому из нас <...> Вечная память да будет тебе от всех нас, твоих скорбящих о тебе соотечичей, доблестнейший муж земли русской» («Вестник Европы», № 11, стр. 436—442).

«Прусский поезд прибыл к станции в Вержболове, в понедельник, в семь часов утра, — сообщалось в «Газете А. Гатцука» 8 октября. — Когда пассажиры его вышли на платформу, новый поезд был уже сформирован; впереди стоял черный вагон с белыми обводами, запертый висячим замком. По просьбе пассажиров, вагон этот отперли. Внутри он представлял нечто вроде походной часовни: посреди вагона, как в церкви, возвышался черный катафалк, оббитый белым позументом; на катафалке высился ясеневый гроб с переброшенной через него белой лентой, на которой золотом отпечатано: „Les Frênes“, т. е. „Ясени“ (так называется вилла в Буживале, где скончался покойный); ступени катафалка были устланы гирляндами живых цветов с гроздьями рябины; посредине катафалка помещался громадный белый венок из Парижа от русских художников, а длинные его ленты окаймляли нижнюю ступень катафалка. По углам были прикреплены также большие заграничные венки; между ними помещались букеты и небольшие веночки, доставленные в Вержболове. На самом гробе лежал посредине громадный венок из искусственных белых роз, и еще два весьма богатых и красивых венка без надписей; эти последние венки были все из Парижа. По стенам, обтянутым черным сукном, висели опять венки; в головах у гроба громадный зеленый венок с серебряными перехватами и с надписью „La famille Viardot“, занимая все пространство задней стены вагона. При виде гроба все с благоговением обнажили головы; ожидали литии, но неизвестно почему лития не состоялась, и священник один, без облачения, поднялся в вагон и в присутствии всех прочел тихо молитву, благословил усопшего в последний путь, земно поклонился ему и приложился к образу Христа, прикрепленному к гробовой доске. Все присутствовавшие были видимо взволнованы. В восемь часов пятнадцать минут поезд отошел от станции.

Первым городом на пути был Ковно; при приближении поезда платформа станции была совершенно пуста; кроме служащих, не видно было ни одного человека; но когда открыли двери пассажирских зал, то вместе с пассажирами хлынула неудержимо такая масса людей, что в одно мгновение вся платформа была переполнена. Так как и здесь лития не могла состояться, то распорядитель, вероятно, и не имел powodu открытия печального вагона. Притом второй звонок очень быстро последовал за первым — и масса детей всех возрастов, обступившая вагон распорядителя, едва успела ему подать большой пальмовый венок с белой лентой и с надписью „Незабвенному поэту“.

В Вильне, наоборот, при приближении поезда, вся платформа была занята народом, но также не было видно никаких приготовлений к литии. Распорядителю пришлось в это время принимать в вагон] массу венков.

От Вильны без значительных остановок поезд шел до Динабурга. Там на платформе собралась толпа, не меньше виленской. Хотя и тут литий не было, но траурный вагон был открыт, потому что явилось много желающих возложить на гроб венок.

За Динабургом началось ночное время, но и оно не остановило желавших почтить память усопшего: в Острове собралась группа людей с венком, ожидавшая поезда до полуночи; в Пскове в два часа ночи на платформе находилась значительная толпа.

В шесть часов утра в Луге большая толпа людей и духовенство в облачении ожидали прибытия поезда. Следствие того немедленно был открыт вагон; это было первое состоявшееся в пути заупокойное служение.

Около девяти часов поезд прибыл в Гатчину, где его встретила громадная толпа, стоявшая на всем протяжении станционной платформы. Впереди помещались певчие и духовенство в полном облачении. По открытии вагона вся толпа моментально обнажила головы, священнослужители

вступили в самый вагон, и началась панихида с участием большого хора певчих, стоявших перед вагоном. Во время службы очень скоро раздались один за другим все три звонка, и поезд должен был бы тронуться, прервав богослужение и увезя с собой вместе духовенство. К счастью, священники не прекращая богослужения, успели выбраться из вагона в одежде, неудобной для крутого спуска, и с кадилом в руках, и богослужение продолжалось на платформе».

10 октября в лондонской «Times» появилось следующее сообщение из Эйткунена: «Похороны покойного г. Тургенева, которые должны произойти в Петербурге завтра, когда останки прибудут с немецкой границы, так хорошо предварительно организованы полицией и министерством внутренних дел, что все возможности беспорядков и проявлений недовольства сведены к минимуму. Маршрут процессии от вокзала до кладбища определен весьма тщательно, чтобы избежать самых населенных и опасных районов города. Кортёж и его 176 делегаций с венками направятся по широким улицам южной окраины города. Организационный комитет вынужден был, конечно, отдаться целиком в руки полиции и заранее представить в цензуру речи, которые будут произнесены над могилой священниками, ректором Петербургского университета г. Бекетовым, гг. Григоровичем и Плещеевым. Но лишь малая часть громадной массы идущих за гробом будет допущена по билетам на кладбище и в церковь. Граф Толстой, министр внутренних дел, вычеркнул, как говорят, из списка делегации адвокатов и поляков, а также делегацию рабочих одной из больших петербургских фабрик; всем военным делегациям также запрещено участвовать».

Немалое удивление у современников вызвал утверждённый градоначальником порядок следования делегаций в составе похоронной процессии, опубликованный в большинстве петербургских и московских газет. Одно из первых мест в нем занимала почему-то делегация общества покровительства животным...

«Во вторник 27 сентября, утром в 10 часов 20 минут <...>, — сообщал Стасюлевич в уже цитированной нами статье, — траурный вагон вошел на станцию. Вся левая платформа, у которой остановился поезд, была очищена от публики, а на правой помещалось духовенство и небольшая группа лиц, допущенных распорядителями похоронной комиссии, так что при громадном пространстве платформы и правой стороны казалась почти пустою. Не прошло и минуты как траурный вагон был отступен от прочих вагонов и после небольшого маневра перешел на другие рельсы; машина дала задний ход, и мы подошли вплотную к противоположной платформе. Началась торжественная лития — третья в это утро — затем были вынуты все венки, перенесен гроб и установлен на катафалке; около одиннадцати часов утра тронулась в стройном порядке печальная процессия, ярко освещенная неожиданно появившимся в этот день солнцем».

Из редакционной статьи «Новостей и Биржевой газеты» от 28 сентября: «С раннего утра в городе стало заметно усиленное и необычное движение: и экипажи, и пеший люд — все стремилось по направлению к станции Варшавской железной дороги, и со всех сторон двигались венки разных видов и размеров. К девяти часам вся местность, прилегающая к этой станции, пестрела многотысячной толпой, над которой возвышались венки и хоругви, заключавшие в себе эмблемы священной памяти поэта-художника. К самой станции подъезжали и подходили группы людей самых разных званий и общественных положений. Все, что имеет какое-нибудь отношение к литературе, не говоря уже о лицах с известной литературной репутацией, все было здесь или у венков, в составе депутатий, или у здания вокзала. В самый вокзал и к платформе, к которой должен был подойти траурный вагон, допущены были, кроме распорядителей, лишь пред-

ставители общества литераторов и двое-трое сотрудников. Тут же находились два лица, близкие к покойному: г-жи Полонская и М. Г. Савина <...> У подъезда ожидала траурная колесница <...> Для праха Тургенева было приготовлено что-то рваное, грязное и очень неприличное. Такой же катафалк (рванный и грязный) ожидал гроб и в церкви...

БИЛЕТ ДЛЯ ВХОДА В ЦЕРКОВЬ ВОЛКОВА КЛАДБИЩА
В ДЕНЬ ПОГРЕБЕНИЯ ТУРГЕНЕВА 27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.

На билете — штамп Общества поощрения художеств

Литературный музей, Москва

О погребальной колеснице, которая «вызывала негодование со стороны всех видевших ее у вокзала, до тех пор пока венки, цветы и зелень не скрыли ее от взоров публики...» — писала редакция «Новостей и Биржевой газеты» и 29 сентября. — Один из сотрудников одной московской газеты, кажется, первый обратил внимание на грязные лохмотья черного сукна, драпировавшие постамент, на облупленные, грязные колеса, на шнуры толщиной в полпальца, скучность драпировки из дрянного мишурного глазета, какой-то общипанный намет козел и проч. Вокруг нее собралась публика, в которой было несколько членов разных редакций, и все в один голос выражали недоумение и неудовольствие по поводу мизерности экипажа, на долю которого выпала честь везти останки Тургенева к месту их вечного упокоения».

Московская газета «Русский курьер» поместила 30 сентября две корреспонденции из Петербурга о похоронах писателя. Вот несколько строк из первой статьи:

«...проводить Тургенева явилось до 400 000 <!> человек²³ — то есть несравненно более, чем на проводы праха Ф. М. Достоевского <...> К станции <...>, неизвестно в силу каких соображений, были допущены только распорядители и власти (к слову сказать, на проводы праха нашего гениального писателя явился и один из иностранных послов — посланник Северо-Американских Соединенных Штатов)²⁴ <...>

Директор 2-го реального училища нашел возможным освободить учеников от занятий на этот день и выстроить их шеренгой по пути следования процессии на Загородном проспекте; его примеру последовал Петербургский университет и некоторые другие высшие учебные заведения — лекций в них не было. Процессия шла превосходно, торжественно, кра-

сиво вплоть до Расстанной улицы, где в шествие и его порядок вздумалось вмешаться г. Грессеру и произвести тем самым беспорядки».

«Какие тысячи народа собрались посмотреть на это удивительное погребение,— писал один из многочисленных русских корреспондентов, присутствовавших на похоронах Тургенева.— Процессия прошла шесть верст в течение трех часов с четвертью. На улицах, в окнах домов (окна были почти везде открыты), на балконах, на заборах, на складах дров, на крышах — всюду зрители. По приблизительному и самому умеренному расчету более полутораста тысяч народа смотрели на эту процессию <...>

В девять часов утра на вокзал Варшавской железной дороги собрались литераторы, художники, артисты, ученые и депутации с венками. Из официальных представителей мы видели попечителя учебного округа и градоначальника. Из приезжих москвичей — гг. Иловайского, Муромцева и г-жу Федотову.

В десять часов двадцать минут прибыл поезд с телом Ивана Сергеевича. На вокзале тело встретили члены Литературного фонда, распорядители и духовенство; архимандрит Герасим с духовенством Казанского собора, священниками, законоучителями и иеромонахами отслужил литию. К этому времени все депутации с венками выстроились от Варшавского моста по Обводному каналу и кругом вокзала, литературные депутации расположились против подъезда, декорированного трауром. Тут же стояла у самого подъезда печальная колесница, запряженная шестью траурными лошадьми. Балдахин над колесницей из золотой парчи со страусовыми белыми перьями по бокам и золотыми кистями. Весь верх балдахина украшен венками. На передней стороне его среди прочих венков выдавался маленький изящной работы серебряный венок от студентов Московского технического училища. Верх балдахина покрывал венок громадных размеров из великолепных искусственных цветов. Около него находился металлический венок прекрасной работы. Гроб вынесли на руках и поставили на колесницу. Гроб дубовый, французского образца, вроде ящика, с четырьмя углами по концам, без ножек. На крыше серебряный крест и под стеклом портрет покойного, вделанный в крышу. Множество венков прибыло вместе с гробом из Парижа, из Вильны, из Пскова, где выходили встречать прах писателя; много венков возложено и в вокзале; все депутации, которые не заявили о себе ранее и не вошли в список, не участвовали в процессии, а клали венки на гроб. Среди этой сплошной массы венков мы видели и роскошный венок с золотой надписью от здешних мировых судей, от Санкт-Петербургских присяжных поверенных, от студентов Киевского университета, от Новороссийского университета, от представителей дворянства, от духовной академии, от частных лиц. Сто семьдесят восемь депутатий с венками предшествовали гробу. Нет возможности обозреть и описать все венки. Много было металлических с фарфоровыми цветами, великолепно сделанными, были венки серебряные: от первой гимназии, третьей, от Московского университета, от харьковской оперной труппы, от Академии художеств, необыкновенно изящный венок, точно из паутины сотканный, от русских художников, роскошный венок от болгар с серебряным свитком посередине. Все редакции прислали более или менее богатые венки. Хорош по идее и изящен по исполнению венок от драматических классов Санкт-Петербургского общества любителей сценического искусства: огромная лира из цветов с порванными серебряными струнами. Из этих струн составлены инициалы И. С. Т. Громадных размеров венок от издателя (Шапиро) и сотрудников портретной галереи русских писателей. Он весь из роз, а в середине большая золотая лира. Все венки были замечательны или по богатству, или по искусству; а их было до двухсот.

В одиннадцать часов процессия тронулась. Это было зрелище величественное, необыкновенное. Венки следовали один за другим, при каждом шесте депутатов, версты на две тянулись они вереницей, прерываемые кое-где хорами студентов Санкт-Петербургского университета, Института гражданских инженеров и Горного института. Впереди всех несли венок от бывших крестьян Ивана Сергеевича. В середине шествия, перед хором студентов Университета картинно двигался, занимая всю ширину дороги, студенческий венок громадных размеров с двумя хоругвями по бокам. В середине венка, в черной раме, помещался портрет покойного Тургенева, все поле венка сплошь из незабудок и цветов. По бокам венка несли две цветные хоругви с золотыми кистями и с подписями: „Тургеневу студенты Санкт-Петербургского университета“. Советы университетов, депутаты Академии наук, представители высших учебных заведений, представители земств, предводитель дворянства Санкт-Петербургской губернии, московское, петербургское городские управления шли в процессии. Глаз едва охватывал весь этот лес двигающихся венков. За ними по четыре в ряд шел хор русской оперы, исполняя нотное „Святый боже“. За хористами следовало духовенство — впереди священники несли икону, иеромонахи, законоучители-священники, протоиереи Казанского собора и архимандрит, окруженный диаконами. Факельщики следовали по сторонам процессии. Колесница с золотым балдахином, как бы сотканная из венков, с колеблющимися коронами страусовых перьев, медленно двигалась среди живой стены народа, обнажавшего головы и крестившегося. Кисти несли гг. Шамеро и Бекетов, Таганцев и Краевский, который менялся с г. Стасюлевичем. За гробом несли венки: от г-жи Виардо — металлический с серебряными перехватами в виде ленты и большой серебряный венок на голубой бархатной подушке — от русской колонии в Париже, внутри венка на серебряной доске поименованы фамилии лиц, соорудивших этот венок, в первой строке списка стоит гр. Орлов, русский посол в Париже. Венок нес г. Крамской, который встретил поезд с гробом Тургенева за несколько станций от Петербурга. Оба эти венка будут завтра выставлены на чтении в память Тургенева.

За гробом шли парижские родственники Тургенева, г. Дювернуа, дочь г-жи Виардо, которая замужем за г. Шамеро — молодая и красивая брюнетка, южного типа, племянник Тургенева и — нужно ли прибавлять — все здешние литераторы, несколько художников, артистов. У церкви Введения была отслужена лития, у церкви Синодального подворья, в Звенигородской улице, тоже.

Медленно двигалась процессия, а в большой церкви Волковского кладбища уже совершалась литургия. В 11¹/₂ часов прибыл преосвященный Сергей, епископ Ладожский. Молящихся сначала в церкви было очень мало, все имевшие билеты шли за гробом или в процессии. Преосвященный Сергей совершал богослужение медленно, с полною торжественностью, в сослужении двух архимандритов и причта Волковской церкви.

Когда процессия прибыла на кладбище, все депутации с венками были построены шпалерами по обе стороны пути до самой церкви, и среди них проехала колесница. Умилительная картина представилась тогда взорам всех. Над медленно проезжавшей колесницей медленно склонялись венки, как бы говоря последнее „прости“, воздавая последнюю почесть. Эта картина трогала до глубины души. Венки и депутации от редакций расположились около церкви, венки от Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым, от городской думы — помещены были около самой могилы, которая находится тут же у церкви, с левой стороны от входа, с правой от церкви. Было двадцать минут третьего, когда гроб внесли в церковь и поставили на катафалк под малиновым бархатным балдахином. Четыре траурных подсвечника поставили по сторонам.

Обедня приходила уже к концу, диакон возглашал: „Со страхом Божиим и верою приступите“. Церковь мгновенно наполнилась. В половине третьего начали панихиду. Архиерей вышел на середину перед гробом в сопровождении трех архимандритов и духовенства, которое двумя черными лентами протянулось по сторонам гроба к алтарю. На клиросах пели певчие Казанского собора, певшие обедню, и хор русской оперы, прибывший в процессии. Панихида, пропетая такими прекрасными исполнителями, произвела сильное впечатление. Окончилась она, все пошло к могиле, сняли с гроба венки, от Виардо и от русской колонии, возложенные при начале панихиды, — и гроб понесли к могиле между двумя рядами венков, снова склонявшихся над гробом. Могила, выложенная голубой материей и сплошь усыпанная цветами, была уже окружена публикой, но тотчас все очистили место, когда процессия пошла из церкви, духовенство окружило могилу, архиерей благословил последнее убежище русского писателя, протоиерей возгласил ему вечную память. Гроб засыпали землей и цветами.

Богослужение кончилось. Председатель Литературного фонда Таганцев заявил, что на могиле произнесут речи ректор Петербургского университета Бекетов, профессор Московского университета Муромцев, Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев.

Ректор университета А. Н. Бекетов произнес следующую речь:

„Я приблизился к этой дорогой могиле для того, чтобы сказать последнее „прости“ от лица своих товарищей и всего нашего университетского юношества. Но, прощаясь с успокоившимся поэтом, не могу говорить о нем как о погибшем навеки, ибо никогда еще не был он так могуч, как теперь. Силы, которые он в себе хранил, передавая их по временам в своих произведениях, не только не погибли, но разлились еще с большею энергиею, потрясая сильнее, чем когда-либо, сердца всех способных чувствовать и мыслить.

У гроба Тургенева в уме, постоянно занятом изучением природы, невольно и с осязкою яркостью возникают великие представления о вечности сил, о преемственности жизни.

В небесных вышинах есть столь отдаленные от нас светила, что свет, ими изливаемый, несмотря на едва вообразимую быстроту своего движения, доходит до нас только через сотни тысяч лет. Свет этих миров поражает наш взор в то время, когда они сами давно исчезли в недостижимых наблюдению пространствах, а может и вовсе перестали существовать. Тем не менее, мы не можем считать те светила погибшими, ибо волны эфира, поражающие наше зрение, всколеблены ими. Материя распалась, но силы, ее оживлявшие, продолжают действовать, потрясая эфир в беспредельных и безвременных пространствах. Воспринятый свет, в свою очередь, не пропадает — он только превращается в новые силы, переходящие опять в другие — и так без конца.

Таково физическое представление о бессмертии. Не то же ли являют нам силы духовные, которые колеблют миллионы сердец долго и долго после распада сдерживавшей их материальной оболочки?

Если бы даже имя нашего поэта перестало когда-либо повторяться, то поэтические аккорды, внесенные им в психическую жизнь человечества, никогда не замолкнут, развиваясь, пополняясь, входя в состав новых, более сложных симфоний, но пропасть они не могут никогда.

Таковы последствия великого закона сохранения сил, и в нем, наряду с утешениями, предлагаемыми нам религиею, мыслящий человек может тоже искать утешения, провожая в последнее земное жилище останки великого таланта.

Отвлекаясь еще и еще от „забот суетного света“, мы усматриваем приложение закона сохранения сил и в величавом явлении преемственности

Иванчик И. С. Тургенев. — У могилы Тургенева на Волковом кладбище в С.-Петербурге.
(Рис. К. Брок)

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ
27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Д. В. Григорович произносит речь

Гравюра с рисунка К. О. Брока

«Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г.

жизни, дающем нам опять возможность схватиться за край ризы удаляющегося от нас поэта.

Световая солнечная энергия, передаваясь материи, дает толчок органической жизни, на лоне которой возникло и само человечество. Все живые творения божественной воли, давшей первый импульс всемирному движению, связаны между собою непрерывною цепью. От зеленеющего растительного покрова, чрез длинный ряд движущихся и чувствующих организмов солнечный огонь, все более и более концентрируясь и усложняясь, передается человечеству. Оно составляет последнее звено жизни, собравшее в себе сумму энергий всего прошедшего бытия.

Та же преемственность, то же постепенное накопление и совершенствование усматривается и в развитии духа человеческого. Священное пламя науки и искусства все ярче и ярче пылает на земле, а собирателями и настоящими хранителями драгоценного наследия являются избранники божества, одаренные гениальным умом и талантом.

Одним из таких избранников был тот, которого мы теперь оплакиваем. Вверенная ему частица божественного огня теперь освободилась от своих оков и вольными струями будет разливаться между людьми.

Не мне, естествоиспытателю, братья за характеристику деятельности Тургенева. В надгробных речах и заявлениях печати всех просвещенных стран наш поэт оценен по достоинству.

Прибавлю только одно. Если бы все так чувствовали и мыслили, как чувствовал и мыслил Тургенев, то мирное течение наших судеб на пути к

прогрессу не было бы прерываемо ни на один миг, ибо его произведения отличаются спокойствием, редкою объективностью и здравомыслием в оценке всякого рода социальных явлений.

Покойся же в мире, и пусть твоя кончина побудит нас обратиться с новою силою к науке, перед которой ты так благоговел, к искусству, которому ты служил с таким самоотвержением. В этом найдем мы настоящее утешение в скорби, причиненной нам твоею утратою“.

За А. Н. Бекетовым говорил профессор Московского университета г. Муромцев. Вот его речь дословно:

„В ряду представителей русской мысли Московский университет отдает последнюю дань праху великого писателя родины. С гордостью вспоминает он, что считал Ивана Сергеевича в числе своих учеников, что первые стремления Тургенева, остановленные не по его вине, были направлены к научной деятельности в стенах родного университета. Еще с большею гордостью вспоминаем мы, что в этих самых стенах великий писатель нашел нравственную поддержку, — тогда, когда наиболее в ней нуждался, и с тех пор Московский университет признавал для себя за особую честь считать Тургенева в ряду своих почетных членов. Великий представитель высочайшего творчества в области мысли, — творчества художественного, Тургенев был дорог русской науке. Но нам, москвичам, он был дорог еще и потому, что в творческой деятельности его оказалась та самая живительная струя, которая в сороковых годах дала новую силу науке. Идеи гуманизма и справедливости, которые одушевляли людей кафедры, Тургенев выражал с несравненною силою и несравненным влиянием в своих художественно-поэтических творениях. И эту сторону своей деятельности сознавал сам Иван Сергеевич, когда, отвечая на московский привет, он, как всегда скромный в оценке своих заслуг, приписывал сочувствие к нему главным образом тому обстоятельству, что до последних лет своей жизни он сумел остаться верен убеждениям своей молодости. В этом — источник благотворного влияния великого художника до последних дней его, в этом — залог того, что его влиянию после смерти суждено расти и расти. Спасибо, глубокое, сердечное спасибо шлет великому ученику своему, его alma mater — спасибо и вечная память!“

Сильно взволнованный, произнес свою речь Д. В. Григорович:

„Трудно прибавить к тому, что было говорено и писано о Тургеневе со дня его кончины до настоящей минуты. Но личности избранные, личности, исключительно одаренные, к каким принадлежал Иван Сергеевич, заключают в себе всегда такую глубину содержания, что сколько ни черпай, все останется, останется, как в живом роднике, который из века в век поит целое население и все-таки продолжает бить живым ключом...

Вспомните все вы, окружающие теперь могилу Тургенева, вспомните, с каким единодушием отзывался весь образованный мир на Западе и у нас в России, когда пронеслась горестная весть о его кончине! Чем же был Тургенев, чтобы кончиною своей вызвать в сотнях тысяч людей столько сожалений, столько слез, столько истинного горя? По какому поводу десятки тысяч соотечественников сердцем рвутся теперь к его могиле и все мы, здесь стоящие, так глубоко потрясены и взволнованы? Почему мы здесь? Приказа никакого не было! Но произнесено было имя Тургенева — и со всех концов России лица разных сфер, и старый и молодой, как один человек, пожелали почтить это имя! Отчего же такое единодушное воодушевление? Тургенев был литератор; другого звания у него нет и никогда не было... Не доказывает ли это знаменательно, что дар поэзии в связи с творческой силой, т. е. способностью выражать чувства и мысли в живой пластической форме, — не есть дар эфемерный, заурядный, как еще многие думают! Если б это было так, ничего бы, конечно, не было из того, что происходило целый месяц и что сегодня, теперь происходит; а происходит

СТИХОТВОРЕНИЕ
А. Н. ПЛЕЩЕЕВА,
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ
ТУРГЕНЕВА

Вырезка из журнала «Отечественные записки» (1883, № 10) с дарственной надписью автора Л. В. Бертенсону
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

27-ГО СЕНТЯБРЯ 1883 Г.

(Ивану Тургеневу)

Читался на даче.
Тамбов.

Своей же горюхоты и слезой
Тебя не зря уж прощались.
За нездоровое право
Ах, как ты страстно прощались.

Когда, исполненный сакрала,
Порвать встал из работы кочевья,
Возвратя уже неодолея
К нам, ты страстно прощались.

Ворочались, стучались, бились
Твой голос слышал услышал.
Любви—но, любимо-милостиво
Слова слышались ты устал.

На свободе, востро и страстно
Ты слышал из дум слышал.
Ты слышал, бегать, бегать слышал
Но слышал—на слышал слышал.

На слышал слышал слышал слышал
Из дум ты слышал слышал слышал,
И слышал, слышал слышал слышал,
Красно слышал слышал слышал.

И слышал слышал слышал слышал
Ты слышал слышал слышал слышал,
Но слышал слышал слышал слышал
Вос слышал слышал слышал слышал.

Его слышал ты слышал слышал,
Как слышал—ты слышал слышал слышал,
Слышал слышал слышал слышал,
И слышал слышал слышал слышал.

Как слышал слышал слышал слышал,
Но слышал слышал слышал слышал,
Улы слышал слышал слышал слышал,
И слышал слышал ты слышал слышал.

И слышал ты слышал слышал слышал
Ты слышал слышал слышал слышал,
И слышал ты слышал слышал слышал
Слышал ты слышал слышал слышал.

«Ду! слышал ты слышал слышал,
Потом слышал ты слышал слышал,
Слышал слышал слышал слышал,
Видно слышал слышал слышал.

А. Плещеев.

торжество великое, тем более великое, что в нем нет ничего заказного, ничего вынужденного; оно внушено сердцем, внушено глубокой признательностью к человеку, который силою своего таланта умел пробуждать в душе нашей лучшие чувства.

В этом торжестве есть много поучительного для целого русского общества. Благодаря Тургеневу, в глазах всех русских людей — свидетелей этого торжества и тех, кто об нем узнает, — вырастает, возвышается значение литературных заслуг, возвышается значение поэта-писателя, разумея здесь такого писателя, который, как Тургенев, служа прежде всего искусству и веруя в его могущество, действовал на своих соотечественников словами правдивыми и мыслями благородными. Значение литературного труда, значение звания литератора завещано Тургеневым русским писателям. На них лежит ответственность поддерживать завещанное достоинство, служить литературе так же правдиво, благородно и честно, как служил ей Тургенев в течение всей своей жизни! Этим только литераторы могут достойным образом почтить память знаменитого собрата.

Нам, старикам, сверстникам Тургенева, его друзьям и товарищам, — остается сказать: прощай, дорогой, незабвенный друг, прощай, до скорого свиданья!

Рыдания слышались в голосе Дмитрия Васильевича, когда он произнес последние слова. Раздались рукоплескания и „браво“, которые смолкли, когда кто-то заметил, что на могиле не аплодируют. Но чувство, всех охватившее вследствие необыкновенной искренности, с которою была

сказана эта речь, невольно должно было сказаться. После Д. В. Григоровича А. Н. Плещеев произнес весьма прочувствованное стихотворение:

Своей мы гордостью и славой
Тебя недаром признаём,
За человеческое право
Являлся честным ты бойцом.

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал,
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

И вот со всех концов прощальный
Привет тебе отчизна шлет...
И много в этот день печальный
Слез о тебе она прольет...

«Да, человек он был», словами
Поэта скажет край родной,
С благоговением, цветами
Венчая холм могильный твой ²⁵.

Затем церемония погребения окончилась. Было половина пятого вечера. В могилу стали бросать венки, на нее положили две плиты и сверху них опять венки. Ценные венки некоторые депутаты взяли обратно на память, а другие будут возложены на окончательно отделанную могилу; более ценные передадутся на хранение в Публичную библиотеку» («Новое время», 28 сентября).

Корреспондент «Петербургской газеты» сообщал 28 сентября:

«Пока в церкви шла служба и на могиле говорились речи, ассистенты, депутаты и все вошедшие на кладбище стали разбирать цветы, пальмовые ветви и зелень с живых и искусственных венков. Руками, перочинными ножиками отрывались розы, императоры, ветви... В несколько минут от живых венков остались одни проволоки и железные круги, а в руках, петлицах и даже на шляпах присутствовавших появились цветы, отдельные буквы и целые букеты!.. Г-же Шамро многие из стоявших поближе передали в это время целые букеты цветов и пальмовых ветвей. Из дорогих искусственных венков большинство было унесено обратно с кладбища, а некоторые сложены были в церкви».

Сообщая о разорванных в клочья венках, корреспондент газеты «Новости и Биржевая газета» писал 1 октября: «Той же участи подверглись даже некоторые металлические венки. Спасены от разрушения были только те венки, которые принесшими взяты были обратно. Так, например, г. Шапиро спас свой роскошный венок. Не позаботились даже сохранить ленты и подписи, из которых многие были интересны и знаменательны. Странно и то, что масса венков, сваленных в придел церкви, оказалась как бы в беспомощном положении: „Не кладите... всё равно всё растащат... кому тут смотреть за ними!..“ — вот что слышалось отовсюду. Удивительное дело! Только что похоронили великого писателя, и уже оказывается, что некому и некогда сберечь и сохранить дорогие воспоминания любви и горести всенародной! Да ведь это памятники, документы, которые хранить надо, беречь надо, а не бросать зря, как букет после бала! Не лучше ли все сохранившиеся венки препроводить в Московский исторический музей? <...> И будут они напоминать не только о величайшем из современных русских писателей, но и о той осмысленной горем и просветленной сознанием минуте, которую пережило русское общество».

Указывая на массу депутатов, собравшихся на похороны, немецкая газета «St.-Petersburger Herold» писала:

«А между тем здесь возлагаются не военные лавры... Чувствуется художник, умевший читать в глубине души своего народа, который умел вызвать к сознанию то, что дремало там столетиями в глубоком сне, который дал выражение народному духу, отразил его в ясном зеркале высокой поэзии и тем самым явился путеводителем его будущего... Один из первых провозвестников великого освобождения крестьян, Тургенев был истинным, неподкупным другом и воспитателем своего народа, и таким он останется для него и в будущем»²⁶.

Обозреватель «Дела» писал в десятой книжке журнала, осуждая организаторов похорон и авторов надгробных речей за покорное подчинение оказанному на них правительственному нажиму (в статье довольно прозрачно выражалось недовольство мирным характером, который сохранила до конца похоронная церемония):

«Какая-то трудно объяснимая сдержанность, имевшая даже панический характер, сковывала всем ораторам уста, и каждый как будто говорил совсем не то, что он думал. Г-н Бекетов прочел на могиле даже лекцию об астрономии <...> Эта паническая сдержанность выразилась в процессии тем внешним самообладанием, которое подало наблюдавшей публике повод обвинить лиц, идущих при венках, в отсутствии торжественного настроя и в том, что они держали себя не на „высоте своей задачи“. Внешним образом обвинение, пожалуй, верно. Очень немногие — друзья, родные, близкие — теряли в Тургеневе „человека“, для большинства же он был „идея“, и притом именно той идеей, которую каждый хотел в нем видеть. Вместе с тем Тургенев служил предлогом или поводом к желанию подвести известный умственный итог, объяснить идейную сущность не только самого торжества похорон, но и общественно-литературного значения художественной деятельности Тургенева. В этом смысле похороны Тургенева были явлением, довольно сложным и сильно возбуждающим мысль...»

Легальная русская пресса, разумеется, обошла полным молчанием тот знаменательный факт, что во время похорон распространилась полемическая прокламация общества «Земля и Воля», написанная П. Ф. Якубовичем и озаглавленная «И. С. Тургенев». «Над незарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа, — отмечалось в прокламации, — происходит настоящая свалка». Осуждая продавцов «нововременцев» и либеральную прессу, жаждущую использовать похороны Тургенева как «предлог для грандиозной демонстрации либерального свойства», прокламация излагала взгляд революционной молодежи на Тургенева — писателя, «служившего русской революции».

Петербургский корреспондент лондонской «Times» сообщал 27 сентября/9 октября:

«Сегодня здесь состоялись публичные похороны покойного Ивана Сергеевича Тургенева. Гроб, еще *в пути* засыпанный цветами, в половине одиннадцатого утра прибыл на Варшавский вокзал, где был встречен с такими почестями, какие еще никогда не воздавались ни одному неофициальному лицу в России. В громадной толпе, собравшейся у вокзала, были представлены, в сущности, все уголки огромной империи, куда проникло имя и произведения Тургенева, и все области литературы, искусства, науки и просвещения. Там были депутаты с Кавказа, из Сибири, Финляндии и даже Средней Азии. Сто семьдесят шесть депутатов, каждая со своим венком, в общей сложности не менее двух тысяч человек обоего пола, потянулись от вокзала по забитым народом улицам; на протяжении более миль все окна, балконы и крыши были заполнены зрителями. Останки были приняты архимандритом Александро-Невской лавры и духовенством в черном с серебром одеяниях, и, когда смолкли последние звуки похорон-

ного пения, тяжелый, окованный металлом дубовый гроб был в молчании водружен на катафалк с роскошным золотым балдахином, украшенным страусовыми перьями. В катафалк была впряжена шестерка лошадей. Впереди шли бывшие крепостные крестьяне покойного писателя, за ними — все 176 депутатов, и длинная процессия двинулась через западные кварталы города, неся венки всех форм и размеров: серебряные, из пальмовых веток, из папоротника, из бессмертников, некоторые в виде лиры, с самыми различными надписями и девизами. Но два принесенных студентами флага с изображениями якоря надежды и разбитой цепи рабства допущены не были.

На похоронах представлены были почти все научные и художественные общества столицы, так же как и все гражданские учебные заведения для дворян и среднего сословия, университеты, женские гимназии, сорок одна газета и журнал, земство и дворянство Петербурга и Новгорода, городские думы Николаева, Тифлиса, Самары, Москвы и Петербурга, императорская Академия наук и все драматические и оперные труппы обеих столиц. Не менее двадцати двух венков несли женщины. Никогда еще в Петербурге не было более торжественных похорон гражданского лица. Опасения, испытывавшиеся многими, не оправдались: все время поддерживался полнейший порядок, за которым наблюдал сам полицеймейстер. Огромное число жандармов и казаков, которых держали в резерве, к счастью, не понадобилось.

Очень многие были допущены по специальным билетам на Волковское кладбище, где тело писателя было погребено рядом с Белинским(!). Панихиду служил Выборгский епископ, речи над могилой произнесли г. Бекетов — ректор Петербургского университета, и г. Григорович, известный писатель, еще задолго до Тургенева призывавший к уничтожению крепостного права. В конце церемонии поэт Плещеев, некогда бывший с Достоевским в сибирской ссылке, прочитал несколько стихотворных строк. Все речи носили спокойный и более или менее отвлеченный характер; в них говорилось о достоинствах великого писателя, о широкой известности его произведений на родине и за границей и о бессмертии, которое ждет некоторые из них в потомстве.

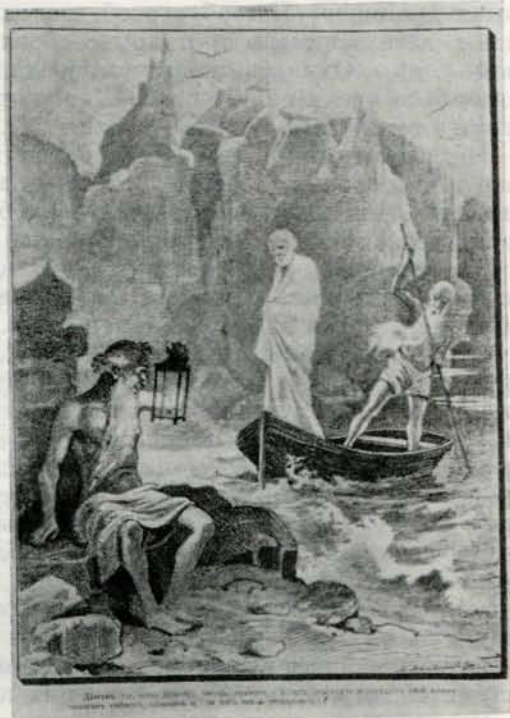
Замечено было, что только „Московские ведомости“ и „Русь“ — газеты двух славянофилов, Каткова и Аксакова, — не были представлены на похоронах» («Times», 10 октября).

«Ожидались демонстрации, берлинские биржевики потирали руки, а „Агентство Вольфа“ телеграфировало своим петербургским агентам: „Не жалейте денег и телеграфируйте самые мельчайшие подробности о беспорядках во время похорон Тургенева“, — читаем мы в „Газете А. Гатцука“ 8 октября о попытке берлинских биржевиков понизить в связи с похоронами Тургенева курс русского рубля.

Из корреспонденции «Погребение И. С. Тургенева», напечатанной в «Газете А. Гатцука» 1 октября: «С восьми часов улицы, прилегающие к Варшавскому вокзалу, наполнялись массами народа, потянулись вереницы экипажей с венками. Места депутациям назначены были под номерами по всему протяжению шоссе и набережной Обводного канала. К началу десятого часа венки размещены были в определенном порядке. Внешний распорядок исключительно заведывался распорядителями, состоявшими из литераторов и адвокатов. Обычное городское сообщение было прекращено. Сторонняя публика удерживалась на местах без права примыкать к процессии; на вокзале находились только распорядители, градоначальник Грессер, губернский предводитель дворянства и городская дума в составе ста пятидесяти гласных. Подъезд был декорирован тяжелыми траурными драпировками. В зале собралось духовенство с архимандритом лавры Арсением во главе.

ТУРГЕНЕВ В ПОДЗЕМНОМ
ЦАРСТВЕАллегорический рисунок
М. Е. Малышева. Литография

«Стрекоза», 4 декабря 1883 г., № 49

В начале одиннадцатого часа прибыл поезд с телом Тургенева. По внесении тела в вокзал была отслужена лития при прекрасном пении всего персонала русской оперы».

В передовой статье «С.-Петербургских ведомостей» от 28 сентября, озаглавленной «День погребения И. С. Тургенева», редакция отмечала:

«Погребение И. С. Тургенева останется надолго в памяти каждого. Это было отдание должного человеку, который трудом и талантом поставил высоко русское имя и был первым писателем-художником своего времени».

Похороны его собрали у его гроба невероятную для нашего времени массу депутатов. Сорок восемь депутатов — от разных установлений и обществ <...> Шестьдесят девять депутатов от учебных заведений <...> Сорок четыре депутации от разных периодических изданий <...> Наконец, депутации от петербургского дворянства, от столиц — Петербурга и Москвы, императорской Академии наук. В общем итоге было сто семьдесят шесть депутатов <...>

Одно замечание, которого нельзя не сделать и которое рано или поздно будет сделано. Нельзя было не обратить внимания на совершенное отсутствие официального мира на похоронах (о полицейских чинах мы не говорим — они отправляли свою обязанность). Мы не видели никого ни из государственных людей и никого из военных. Как объяснить этот факт, мы не знаем <...> С одной стороны, депутации от шестидесяти девяти учебных заведений и многих учреждений, с другой — отсутствие таких элементов, без которых нельзя себе представить никакой из современных форм общежития. Кроме того, такое торжество в церкви — и ни одной речи, сказанной проповедником».

«Один, два, три, четыре, десятки, сотни венков, хоругвей, роз, пальмовых ветвей!.. Море зелени, цветов — и целый океан человеческих голов... —

писал хроникер «Петербургской газеты» 28 сентября. — Мужчины, женщины, дети занимали тротуары с обеих сторон, занимали и более половины улицы. Окна, балконы, крыши окаймляющих Измайловский проспект домов были усеяны зрителями. Но вся эта масса людей была ничто в сравнении с тем, что скопилось дальше <...>

Четвертая рота также полна народу: здесь меньше публики на панелях и еще больше — если может быть больше — в окнах, подъездах, балконах. На недостроенном доме, на балконах, где не виднеется еще и перил, битком набито зрителей: дамы, штатские и офицеры <...>

На углу Четвертой роты и Забалканского проспекта массы народа окружили рогатки, которыми загорожен был проспект. Жандармы и казаки удерживали напор любопытных <...> Фотографы в различных местах, с балконов и с крыш, снимали общий вид <...> У моста против Расстанной процессия сворачивала с набережной Лиговки в эту улицу. Каждый венки и каждая депутация должны были проходить между двумя рогатками, возле которых распоряжались и генерал-лейтенант Грессер лично пропускали венки и депутации в эту последнюю улицу... Только по шести человек при каждом венке проходили мимо рогаток, и те, которые снабжены были билетами для входа в церковь».

Из описания похорон в «Русских ведомостях» от 28 сентября:

«Величественное шествие на всем этом протяжении окаймлялось цепью городских и конной жандармерией, отстаивавших свободу прохода и не дозволявших присоединяться к процессии новым массам.

Близ кладбища предложено было значительно сократить численность депутатий, ограничив каждую из них шестью человеками...»

Правительству «мерещатся всюду красные призраки, — отмечалось в № 2 «Листка Народной Воли» 26 октября. — Похороны Тургенева, например, возбудили столько колебаний — разрешать их или нет — и вызвали столько приготовлений, что можно было подумать, что ожидается революция. На них была двинута почти вся наличная петербургская полиция, целый полк казаков с нагайками и великое множество жандармов и шпиков. Г-н Грессер был верхом на лошади. Вдали где-то раздавались артиллерийские выстрелы. Военным было запрещено участвовать в похоронах, за чем надзирали плац-адъютанты; народ также не пускали, он стоял шпалерами на пути процессии. Все это делало похороны каким-то казенным строем, какою-то прогулкой кандальников. Депутации проходили сквозь настоящий строй полицейских глаз...»

В статье «Скорбный путь» («Новости и Биржевая газета», 29 сентября) Г — в писал:

«Как член одного из литературных обществ, я имел полную возможность примкнуть к самой процессии, сопровождавшей гроб покойного писателя; но непосредственное участие не входило в мой план, так как, вступив в ряды участников процессии, я был бы лишен возможности находиться в самой народной толпе, определить ее настроение и чувства <...>

Я подошел к „скорбному пути“, по которому должна была шествовать печальная процессия, сопровождавшая гроб И. С. Тургенева, около часу пополудни и с одним из своих приятелей немедленно вмешался в толпу. Первое, что меня поразило, это многочисленное скопление простого, трудового люда. Правда, контингент толпы, явившейся проститься с великим писателем, состоял из всевозможнейших элементов столичного населения; тут были военные, штатские, духовные, чиновники, бары, купцы, богато и бедно одетые женщины, дети и т. д.; но преобладающими участниками печального зрелища были крестьяне и ремесленники, которые, несмотря на будничные день, побросали свою работу и густыми массами высыпали на улицы, по которым должна была следовать погребальная

РАССКАЗ В. М. ГАРШИНА
«КРАСНЫЙ ЦВЕТОК», ПОСВЯЩЕН-
НЫЙ ПАМЯТИ ТУРГЕНЕВА

«Отечественные записки», 1883, № 10

Начало рассказа

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК.

(Памяти Ивана Сергеевича Тургенева).

I.

— Именем Его Императорского Величества, Государя Императора Петра Первого, объявляю резкое сему сумасшедшему дому!

Эти слова были сказаны громким, резким, звенящим голосом. Писарь больницы, записывавший больного в большую истрепанную книгу на золотых чернилах стоял, не удержавшись от улыбки. Но двое молодых людей, сопровождавшие больного, не смели: они оба держались на ногах после двух суток, проведенных без сна, наедине с безумным, которого они только-что привезли по желтой дорожке. На предпоследней станции припадок бешенства утихнул; где-то достали сумасшедшую рубашку и, позвав кондукторов и жандарма, надели на больного. Так привезли его в город, так доставили и в больницу.

Он был страшен. Сверх изорванного во время припадка из ключа серого платья, куртка из грубой парусины с широкими вырубками обтягивала его стан; длинные руки прижимали его руки к груди нагрудь и были заложены в карманы. Воспаленные, широко раскрытые глаза (он не спал десять суток) горели неподвижностью, горели блеском; первая судорога подергивала край нижней губы; спутанные курчавые волосы падали прямой на лоб; он быстрыми тяжелыми шагами ходил из угла в угол комнаты, пытаясь осматривать странные шкафы с бумагами и алебастровые статуи и вихляя взглядом на своих спутников.

— Смотрите его из отдаления. Направо.

— Я знаю, знаю. Я был уже здесь с вами из прошлого году. Мы осматривали больницу. Я все знаю и меня будетъ

Т. ССЛХV.—Она I.

20

процессия. Это факт, не подлежащий ни сомнению, ни спору и свидетельствующий воочию, что связь между чувствами и интересами интеллигенции и народа не так слаба, как о том всеми силами стараются уверить некоторые лицемерные публицисты.

Обратив особенное внимание на преобладание простого, трудового люда, я решил определить степень его сознательного отношения к совершившемуся событию. С этой целью я обратился к одному из рабочих, по видимому каменщику, с намеренно наивным вопросом:

— Скажи, пожалуйста, любезный, кого это хоронят?..

Нужно было видеть, каким презрительно-изумленным взглядом наградил меня как сам рабочий, к которому я отнесся с вопросом, так и его товарищи, которых было человек пятнадцать в одной кучке. Каменщик ничего не ответил мне на вопрос, но один из его товарищей не выдержал и саркастическим тоном произнес:

— Да ты, барин, с похмелья, что ли, ежели не знаешь, кого хоронят?..

— Извините, любезный,— возразил я ему,— я человек приезжий, и не удивительно, если не знаю.

— Чай, в газетах все прописано, коли не слыхал?.. Тургенева хоронят — вот кого!.. Из писателей будет...

В эту минуту по Загородному проспекту показалась голова процессии, и простой люд немедленно обнажил головы, сосредоточив все свое внимание на представившемся зрелище.

Я со своим приятелем пошел дальше, по направлению к Волкову кладбищу. Мы прошли Загородный проспект, Звенигородскую улицу и по Обводному каналу достигли Боровой улицы. Везде, на всем протяжении пройденного нами пространства толпа облегла улицы сплошными шпалерами. Крыши, заборы, деревья, балконы, подъезды, фонарные столбы,

рогатки, которыми были загорожены боковые улицы, все это было унижено народом. В разъездах улиц, за рогатками находились тысячи карет, колясок, извозничьих дрожек, ломовых телег, которые тоже были облеплены зрителями, как пчелиный рой облепляет дерево, на котором ему приходится усестся. Но, несмотря на всю эту массу народа, нигде не было шума, толкотни, громких разговоров; о каких-нибудь неприличных выходках, сплошь и рядом случающихся на многолюдных собраниях, не было и помину <...> Вообще толпа вела себя безукоризненно. В ее минорном, печальном настроении, в ее несколько экзальтированном, но вместе с тем и благоговейном отношении чулось нечто величественное, нечто такое, что вызывало к себе глубокое уважение, как к семье могущественной, но вместе с тем сознательно покойной, проникнутой почти мистическим чувством в виду наступившей великой минуты появления погребальной колесницы с прахом гениального поэта.

Пройдя до Боровой улицы, я остановился, выбрав удобное место, с которого можно было видеть все мельчайшие детали похоронной процессии. Здесь особенно было много простого народу. Собственно говоря, начиная от Боровой и до Разъезжей улицы только и видны были серые зипуны, изношенные пальто да пестрые платки, покрывавшие головы простолюдинок <...>

Но вот вдаль показалась золотая колесница, озаренная золотыми лучами, громче и явственнее послышалось стройное и печальное пение, в соседних храмах начался погребальный перезвон; в толпе пронесся какой-то неясный гул, и при криках „Шапки долой!“ вся толпа обнажила свои головы и осенила себя перстным русским крестом <...>

Вот показалось духовенство... за ним траурная колесница... На колеснице, покрытый парчой, стоял гроб... весь он был окутан венками... Вокруг меня из тысячи уст послышался глубоко прочувствованный шёпот: „Вечная тебе память!..“ В то же время среди толпы раздался ужасный, истерический вопль, какая-то молодая женщина, потрясенная зрелищем и под влиянием овладевших ею чувств, упала в обморок <...>

Все время, пока я шел в толпе народа, я только и слышал одно имя: „Тургенев“, только и была одна тема: о нем, о великом писателе.

Я живу на Аптекарском острове. Возвращаясь домой поздно вечером, я встретил большую группу рабочих. Они вели оживленный разговор... о *Тургеневе!*..

Событие 27 сентября доказало, что русский народ вполне сознательно понимает, как нужно относиться к общественным деятелям и общественным явлениям: в этом понимании сказалась его высокая умственная зрелость».

В описании похорон, сделанном В. П. Мещерским и по обыкновению начиненном доносами, любопытны следующие строки: «...всех беспорядочнее шло духовенство, разбросанно и разговаривая и в компании с разными светскими ассистентами-болтунами...» («Гражданин», 2 октября).

Для характеристики приемов, к которым русские правительственные круги прибегали, чтобы уменьшить число участников похорон, приведем факт, сообщенный рядом русских и иностранных периодических изданий:

«Как 25, так и 26 сентября в петербургских газетах было помещено объявление распорядителей о том, что похороны состоятся 27 сентября. Между тем, 26 же „Северное телеграфное агентство“ разослало во все газеты телеграммы с извещением, что Тургенева хоронят 29-го...»

Можем прибавить, по слухам, что вследствие этой необъяснимой неточности некоторые депутации только сегодня, на третий день после похорон, явились в Петербург для участия в погребальной церемонии» («Новое время», 30 сентября).

«Беру перо под живым, неостывшим впечатлением совершившегося на прошлой неделе великого „бесчинства“, как заранее обнесли и оклеветали похороны Тургенева из известного лагеря нашей журналистики, — писал Коломенский Кандид (Михневич) в «Новостях и Биржевой газете» 2 октября. — Все мы, участники и очевидцы (то есть *весь*, можно сказать, Петербург) похоронной церемонии 27 сентября, без сомнения, никогда не забудем этого достопамятного дня, и, без сомнения, он впишется на видном месте в историю русского общества и русской литературы как один из редких торжественных дней в их жизни, — таких дней, когда общество воочию сознает себя живой, стройной силой, одухотворенной и объединенной великой идеей добра и истины, когда она, как в данный момент, по удачному выражению поэта, „венчает себя венком“ родного вещего выразителя этой идеи, хотя и угасшего, но в указанном здесь смысле, самой своей „смертию смерть поправшего“...

В этом-то и сказалось высокое внутреннее значение события 27 сентября: оно живо чувствовалось каждым из нас и духовно нас приподымало <...> Вот отчего самые эти похороны, увитые цветами и зеленью, не имели в себе ничего рутинно *похоронного*, угнетающего, а носили печать чего-то светлого, бессмертного и торжественного; точно тот, кого мы провожали в могилу, и не думал умирать, а жил среди нас и мы чувствовали его присутствие, слышали его вдохновенное слово, мысленно видели перед собой его дорогой, прекрасный образ ... Да и в самом деле, разве он *умер?*!..

Нужно согласиться, что, с принципиальной точки зрения журнальных упразднителей нашей общественности, все это действительно было огромное „бесчинство“!

Как! та самая зловредная, несчастная „интеллигенция“, которую они столько времени взапуски травили, как дикого зверя, которую осудили, с лишением прав гражданства, и всячески старались стереть с лица русской земли, вдруг осмеливается громко заявлять о своем существовании; дружно собираться у гроба своего лучшего представителя и среди белого дня устраивать ему всенародно торжественные проводы?..

С высоты воззрений князя Мещерского с братией это не только „бесчинство“ — это бунт, и, помнится, в одном из органов этих господ с предупредительной услужливостью было прописано категорическое обращение к начальству в таком смысле, что „неужели оно допустит-де подобный *беспорядок?*“ <...>

Я не знаю, обратил ли кто внимание на одну, если хорошенько вникнуть, странность всех почти газетных отчетов о похоронах Тургенева. В отчетах этих неизбежно и с особенным пафосом говорилось о том, что похоронная церемония прошла-де в „совершенном порядке“, что „порядок нигде и ни разу не был нарушен“, что „порядок был образцовый“ и т. п. Были даже такие наблюдатели, которые, кажется, из всего, что они перед собой видели, только и вынесли одно восторженное впечатление невозмутимого порядка <...> Порадовались, вероятно, этому и господа „распорядители“ похорон, когда они благополучно окончились. Господа эти, нужно отдать им справедливость, были весьма интересны и своим тоном, своим образом действий представляли богатый сюжет для назидательно комических наблюдений. Приставленные блюсти порядок, они все время изображали на своих физиономиях такое напряженно-пугливое ожидание беспорядков рядом с жестокой непреклонностью не потерпеть их, что люди мнительные, при одном взгляде на них, впадали в уныние, в смутном предчувствии чего-то нелепого и безобразного, вот-вот им еюще якобы разразиться на петербургских улицах, под этим чудесным весело и кротко сиявшим голубым небом.

28 сентября редакция «Русского курьера» в обведенной траурной каймой передовой статье заявила: «Мы похоронили в Тургеневе представи-

теля лучших преданий сороковых годов, человека, близкого Грановскому, Герцену, писателя, любившего родину, страдавшего ее горем, уповавшего на грядущее пробуждение общества».

Передовая статья газеты «Journal de St. Pétersbourg» от того же числа отмечала беспрецедентный характер «посмертной овации», сделанной писателю и имевшей характер «подлинного апофеоза».

На следующий день после похорон Литературный фонд устроил в помещении петербургского Коммерческого клуба литературный вечер, посвященный памяти Тургенева. Вечер этот, по словам корреспондентов русских газет, отличался, «как и все выражения всеобщего признания великости нашей потери», «глубокой торжественностью». Среди выступавших были М. М. Стасюлевич и П. В. Анненков. Произведения Тургенева читали К. Д. Кавелин, Д. В. Григорович, М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, А. А. Потехин. Поэты Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев и П. И. Вейнберг прочли свои стихотворения, посвященные памяти Тургенева. Вейнберг прочел также стихотворение С. Я. Надсона «Над могилой Тургенева». М. Е. Салтыков, А. Н. Островский и И. А. Гончаров, которые должны были также принять участие на этом вечере, прислали письма, зачитанные публике, в которых просили извинить их отсутствие, вызванное болезнью.

3 октября «Русские ведомости» отмечали:

«Шестой день, как похоронен И. С. Тургенев, а между тем, как нам пишут из Петербурга, ежедневно с утра и до вечера тянутся вереницы экипажей и толпы пешеходов по Лиговке и Расстанной улице к Волкову кладбищу — поклониться могиле поэта-художника».

И через два дня: «Могила И. С. Тургенева постоянно окружена множеством посетителей <...> Почитатели покойного ежедневно приносят на могилу венки, из которых публика берет на память цветы и ленты».

«Новости и Биржевая газета» 1 октября сообщила, что именем Тургенева назван большой пароход.

* * *

Все петербургские и московские «толстые» журналы (за исключением катковского «Русского вестника») вышли в свет с некрологами Тургенева.

«Он был нам дорог не одним своим прошедшим; мы видели в нем силу, далеко еще не угасшую, дарование, по-прежнему крепкое и полное блеска <...>, — отмечал автор некролога, помещенного в «Вестнике Европы». — В лице Тургенева сошел в могилу последний *действовавший до конца* представитель той литературной группы, средоточием которой служил незабвенный учитель — Белинский <...> Чествуя память Тургенева, мы чествуем память всех тех, кто боролся вместе с ним, среди глубокой темноты, за гуманность, знание, свободу, за права общества и человека...».

«Покойный Иван Сергеевич давно уже занимает почетнейшее место в среде европейских писателей; многие его произведения переведены на все европейские языки; его имя пользуется в чужих краях большею известностью, чем имя которого-либо из современных русских писателей. Оно, впрочем, и понятно: его идеи были не исключительно русскими идеями, а общечеловеческими, как и его идеалы, возвышавшиеся над всякими национальными особенностями; в его героях, во всех изображенных им лицах сквозь их несомненно чисто русские характеры всегда виден был человек — не тот „всечеловек“, о котором говорил Ф. М. Достоевский, а тот, которого разумели Шекспир, Шиллер, Гоголь, Виктор Гюго и Тургенев», — так отозвался на смерть писателя московский либеральный журнал «Русская мысль».

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА, ОРГАНИ-
ЗОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНЫМ
ФОНДОМ В ПАМЯТЬ ТУРГЕНЕВА

Петербург, 28 сентября 1883 г.

Институт русской литературы
АН СССР, ЛенинградПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА

ВЪ ПАМЯТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

28 СЕНТЯБРЯ.

Отделение I.

1. Несколько вступительных слов,
прочтеть М. М. Стасюлевичъ.
2. О Тургеневъ П. В. Анненковъ.
3. Изъ стихотвореній въ прозѣ Д. В. Григорovichъ.
4. „Довольно“ К. Д. Кавелинъ.
5. Стихотвореніе П. И. Вейнбергъ.

Отделение II.

6. Письма А. Н. Островскаго, И. А.
Гончарова и М. Е. Салтыкова.
7. „Птица“ В. Н. Давыдовъ.
8. „Намѣти Тургенева“, стих. А. И. Плещеевъ.
9. „Живая воля“ А. А. Потѣхинъ.
10. „Надъ могилой Тургенева“, стих.
С. Н. Надсона.
11. „Свиданіе“ М. Г. Савина.
12. Стихотвореніе Я. И. Полонскій.

Начало въ 8 час. веч.

Печатать разрѣшается, 26 сент. 1883 г. За. Сиб. Губернаторства пом. отв. Тургеневымъ.

Типографъ Н. А. Левицкая, Невскій просп., д. № 8.

Из некролога, напечатанного в журнале «Дело»:

«Потомство не забудет писателя, выступившего на литературное поприще в тяжкую годину мрака, защитником угнетенных рабов, певцом их освобождения, выразителем стремлений лучшего меньшинства и затем, во всю свою длинную писательскую деятельность, неизменно остававшегося верным своему знамени, на котором были написаны слова: свет, правда, свобода человеческой личности!..»

Завершим мы эту главу обзора выдержкой из анонимного некролога, появившегося в «Отечественных записках» и принадлежащего перу Салтыкова-Щедрина. В нем полно высказан взгляд революционно-демократического лагеря на Тургенева как художника и общественного деятеля:

«В современной русской беллетристической литературе нет ни одного писателя (за исключением немногих сверстников покойного, одновременно с ним вступивших на литературное поприще), который не имел в Тургеневе учителя и для которого произведение этого писателя не послужило отправною точкою <...> Литературная деятельность Тургенева имела для нашего времени руководящее значение наравне с деятельностью Некрасова, Белинского, Добролюбова <...> Тургенев был человек, высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом».

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, АВСТРИЙСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ, БЕЛЬГИЙСКОЙ, ВЕНГЕРСКОЙ, СКАНДИНАВСКОЙ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ ПЕЧАТИ

«Никогда еще ни один русский человек не удостоивался после смерти такого единодушного, сочувственного внимания и просто поклонения со стороны Европы, да и у нас дома до сих пор еще ни по одному общественном деятеле сожаление и скорбь не захватывали столько сердец, не выражались так дружно и повсеместно и в таких широких, грандиозных размерах», — отмечалось по поводу смерти Тургенева в «Новостях и Биржевой газете» 18 сентября.

«Смерть Тургенева прошла гораздо заметнее <...> в Европе, чем смерть Жоржа Санда, Теккерея, Диккенса, Дарвина», — отмечал другой осведомленный современник²⁷. О большой популярности писателя во многих странах Европы и в Америке еще при его жизни свидетельствовали многочисленные переводы, критические статьи и хроникальные заметки в зарубежной печати. Но только смерть Тургенева с исключительной рельефностью выявила, насколько высоко ценило мировое общественное мнение художественные достоинства и общественно-историческое значение его творчества и как велик был авторитет его выдающейся личности во всем культурном мире.

* * *

Разумеется, почти вся парижская пресса и значительная часть провинциальной откликнулась на печальную утрату, но большинство французских органов печати, давая общую оценку Тургеневу, ограничилось краткими и банальными формулами сожаления и немногочисленными биографическими подробностями. Наиболее значительные из некрологов, появившихся во французской прессе, — статьи Ги де Мопассана, Альфонса Доде и Мельхиора де Вогюэ — неоднократно перепечатывались в русских изданиях и поэтому в настоящем обзоре фигурировать не будут²⁸. Из выявленных нами французских некрологов наибольший интерес представляют те, в которых содержатся подробности мемуарного характера.

«Тургенев не пользовался большой известностью потому, что сам избегал известности, испытывая отвращение к компромиссам, сделкам, к гнусному кумовству рекламы», — писал знаменитый впоследствии романист и драматург Октав Мирбо в парижском журнале «Grimaces» от 8 сентября (№ 8), отмечая утрату «великого таланта и великой совести». По его словам, парижское общество «не знало о существовании Тургенева. Мужественная красота этого гения не соответствовала фривольному духу современников». «С глубокой скорбью глядим мы на кончину одного из людей, подобных маякам, светлые души которых бодрствуют над вихрем сует и бурями рекламы, — заявлял Мирбо. — День ото дня становится все легче счастье таких людей...»

Описав внешний облик «восхитительного писателя», добряка с «фигурой Геркулеса», автор некролога отметил, что Тургенев оставил после себя «бессмертные творения, в которых грядущие поколения найдут отпечаток его могучей руки и лучезарной души», «шедевры искусства, извлеченные из диких источников чуждой нам жизни, в которых он, однако, сумел выявить все элементы человеческой правды»²⁹.

Переводчик «Нови» на французский язык Э. Дюран-Гревиль писал в журнале «Revue Politique et Littéraire de la France et de l'Étranger» от 8 сентября: «Тургенев был одной из наиболее совершенных личностей,

которых современное человечество может выставить в качестве образца <...> Он отличался поистине первобытной простотой, почти неизвестной в интеллигентной среде нашей западной цивилизации. Недостатки и глупость окружающих возбуждали в нем улыбку сострадания <...> Он никогда не жаловался на свои физические мучения, никогда не протестовал он против чудовищной несправедливости, против адских мук, которыми завершалась его жизнь — жизнь благородного человека. Между двумя ужасными припадками он спокойно описывал свои ощущения, он даже анализировал свои муки — как физиолог, как философ и — что еще важнее — как романист. Если б ему удалось выжить, он извлек бы из своей болезни, как он сам предполагал, психологический этюд и описал бы все ощущения, испытанные им, и безумные мысли, приходившие временами ему в голову во время водоворота нестерпимых страданий. В начале болезни он как-то сказал нам: «Я был так счастлив в течение всей моей жизни! Пришлось и мне иметь свои *черные точки*». Описывая предсмертные муки Тургенева, становившиеся по временам «фантастическими», как говорил сам писатель, Дюран-Гревиль указывает, что «его лучшие друзья дошли до того, что стали себя спрашивать, не предпочтительней ли была бы смерть такому существованию».

Из некролога, напечатанного в «Temps»:

«В этот торжественный час непоправимых сожалений, образ исполина с чистой душой младенца встает в памяти каждого. В наших глазах как бы снова возникает эта львиная голова, покрытая, словно снегом его родины, густой седой шевелюрой, эти жесткие ресницы, осенявшие обезоруживающе добрые глаза, эти крупные, оживленные черты, преображавшиеся от выражения бесконечной, почти божественной доброты. Не забыть эту могучую, несколько неуклюжую фигуру, этот звучный голос, которым каждый раз овладевала непреодолимая робость, когда приходилось произносить несколько слов перед публикой, и который вновь обретал свою поразительную мощь, когда он принимался читать вслух свои собственные произведения. Его всегда верные интонации достигали в патетических местах потрясающей силы, столь же неподражаем он был в юмористических и народных сценках»³⁰.

«Велик, красив и добр», — резюмировал свои впечатления от Тургенева Морис Гиймо в некрологе, помещенном на страницах «Figaro». Гиймо посетил писателя в 1882 г. и сделал ряд записей в блокноте о внешности Тургенева, напомнившего ему «необычного, легендарного деда-моза из старинных волшебных сказок», а также об обстановке его рабочего кабинета. Записи эти он приводит в некрологе. «Обожая свою родину, — заключает Гиймо, — Тургенев был всегда удивительным энтузиастом и могучим истолкователем ее холодной природы, являющейся украшением его произведений; романист в его лице соединялся с поэтом настолько удачно, что он смог постичь ее вечную гармонию»³¹.

Французский поэт и драматург Поль Дерулед (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 75, кн. 1, стр. 535—541) напечатал в своем журнале «Dgareau» статью, значительное место в которой занимают воспоминания о покойном.

«Франция, — замечал он, — утратила великого русского писателя.

Не моя дружба, даже не мое восхищение Иваном Тургеневым заставляет меня говорить так о нем, а его расположение к нашей родине и добровольное пребывание среди нас в течение тридцати с лишним лет.

Пламенно русский, он, разумеется, не желал бы стать французом, но у нас он уже не был и иностранцем. О нем можно сказать, что он был любовником своей родины и другом — нашей <...>

Нашлись люди, которые надеялись свести на нет мое дружеское чувство к Тургеневу, предупредив меня, что Тургенев был лично знаком с князем Бисмарком и уважал его.

Что мне до того? Что для меня в этом удивительного? <...> Разве можно отрицать, что железный канцлер с давних пор проявлял себя как весьма талантливый человек? Что дело, всеми правдами и неправдами им совершенное, не может быть долговечным, мы глубоко убеждены, и Тургенев в этом почти не сомневался. Он даже с негодованием отвергал высказывания тех французов, которые предрекают падение Франции и проповедуют ее гибель. „Нет, — говорил он, — нация, к которой принадлежат такие люди, как Гюго, Ренан, Ожье, Бертело, Дюма, — не мертвая и не умирающая нация“ — и добавлял: „Германия поднялась слишком быстро и слишком высоко, благодаря одной лишь силе оружия, она восторжествовала лишь благодаря мечу, от меча же она и погибнет“.

Несмотря на свое высокое уважение к Бисмарку, он не отрицал, впрочем, что бесконечные злоупотребления приведут в конце концов Бисмарка к полной потере влияния на собственный народ, и когда однажды во время разговора, который происходил в его присутствии, какой-то русский князь высказал суждение о все возрастающей непопулярности канцлера, Тургенев заявил: „Германия начала с неблагодарности, а господин Бисмарк так часто бывает неблагодарен, что, в конце концов, Германия окажется правой <...>“

Я впервые увидел Тургенева весной 1874 года. Мы встретились в глубине леса Сэлли-Сен-Клу, на аллее, идущей по склону холма и окаймленной каштанами и березами, над которыми внезапно возникают то черные своды елей, то зеленые венцы старых дубов. Шале, в котором он жил в „Les Frênes“ и которое для него и было построено в имении его друзей Виардо, примыкало непосредственно к этому лесу.

Тургеневу было тогда пятьдесят шесть лет. Благодаря седой бороде и седым волосам, исполинскому росту и степенной походке, его легко можно было принять за доброго духа, описываемого в арабских сказках, который внезапно покинул ларец из слоновой кости или прозрачные воды голубого озера — с единственной целью содействовать благу человечества.

На его крупном восточном лице не было ничего, что заметно нарушало бы эту химеру; благородство всего его творчества превращало эту химеру почти в реальность. Старые друзья называли его шутя „Zeus Pater“ *, что в переводе, сделанном одним из многих благодетельствованных им людей, означает: „Юпитер дающий“.

Дерулед привел в своих воспоминаниях следующий факт, слышанный им лично от Полины Виардо: «Когда ее впервые познакомили с Тургеневым в 1845 (!) году, то представили его как „молодого помещика-великоросса, хорошего охотника, очаровательного собеседника и рифмоплета“». «Но пять лет спустя имя Тургенева было у всех на устах, а „Записки охотника“ у каждого в руке», — добавляет Дерулед ³².

Обозреватель журнала «Correspondant» Виктор Фурнель дал в номере от 10 октября высокую оценку творчеству Тургенева, особо отметив, что эта «европейская знаменитость знакома читателям журнала, так как в нем печатались „Накануне“ и „Дым“».

Парижские иллюстрированные и весьма распространенные журналы «Illustration» и «Monde Illustré» опубликовали портреты Тургенева, причем в некрологической заметке «Monde Illustré» Тургенев был охарактеризован как «один из знаменитейших писателей нашего времени».

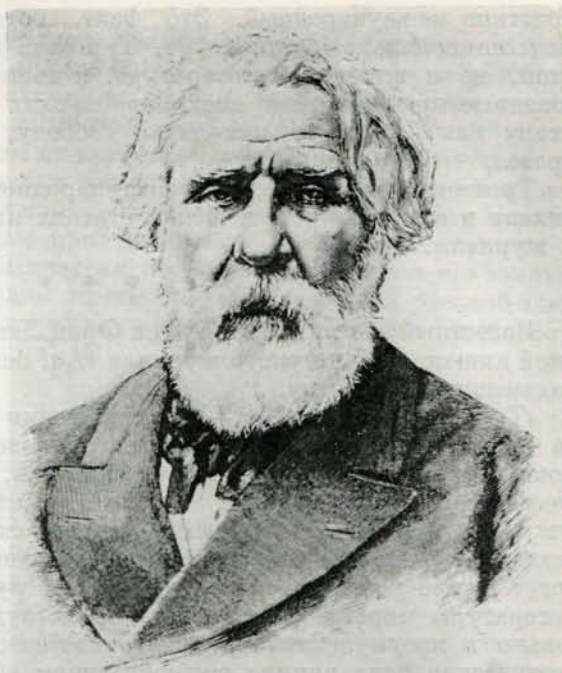
В газете «Événement» было сообщено, между прочим, будто Тургенев незадолго до своей смерти начал писать юмористический роман «Чёрт родился в Германии» (см. «Новое время», 2 сентября).

* «Отец Зевес» (лат.).

ТУРГЕНЕВ

Гравюра неизвестного художника.
С фотографии М. М. Панова, 1880 г.

В подписи неверная ссылка
на фотографию Ф. Надара
«L' Illustration», 22 сентября
1883 г.

IVAN TURGENEV
D'après la photographie de M. Nadar

* * *

«В Германии он почти свой писатель, — писал в «Русских ведомостях» 11 сентября П. Д. Боборыкин. — Кто только считает себя начитанным — будь это студент, чиновник, офицер или дама, — непременно будут вам цитировать Тургенева. Немецкая критика преклоняется перед ним поголовно. В критической статье Пауля Линдау о романе Золя „Au bonheur des Dames“ он не иначе называет нашего писателя как „Meister Turgenief“ и ставит его в образец французскому романисту в деле умения отмечать лица и фигуры двумя-тремя штрихами».

Отклики немецкой прессы на смерть Тургенева полностью подтверждают слова Боборыкина.

«Произведения Тургенева пользуются в Германии не меньшею известностью, чем произведения наших собственных великих писателей: Шиллера и Гете, — писала, например, газета «Berliner Börsen-Courrier». — Всякий образованный немец читал „Отцов и детей“, „Дым“, „Новь“ и другие сочинения Тургенева. Скажем далее, что немногие германские авторы читаются в нашем отечестве так много, как произведения Тургенева». «С тех пор как умер Чарльз Диккенс, — читаем мы в той же газете, — мир еще не испытывал такой потери, какою является для него утрата И. С. Тургенева. Весь образованный мир стоит со скорбью у гроба писателя, заменить которого теперь некем»³³.

«Нет другого русского писателя, который был бы так популярен, любим, читаем и почитаем, как Тургенев, в самых широких кругах различных народов, — указывал Александр фон Рейнгольдт в передовой статье журнала «Magazin für die Literatur des In- und Auslandes» 29 сентября. — Да, можно с полным правом сказать, что Тургенев — писатель

поистине международный. Это факт, которым может гордиться русская национальная литература. Тургенев принадлежал не только русской, но и всемирной литературе, и поэтому у его гроба скорбят образованные представители всех европейских наций <...> Воздадим же ему хвалу как борцу за духовную свободу, гуманность и человеческие права».

Ту же мысль о громадном международном значении Тургенева подчеркивали в своих некрологических статьях многие другие немецкие газеты и журналы.

* * *

Известный австрийский критик Фриц Лемермайер напечатал в октябрьской книжке лейпцигского журнала «Auf der Höhe» большую статью, посвященную Тургеневу.

«Тургенев,— писал он,— обладал всеми достоинствами великого поэта — полетом и силой воображения, душевным богатством, наблюдательностью, знанием людей, чувством природы, глубиной мысли, и при этом он мастерски владел всеми выразительными средствами родного языка. Эта совокупность прекрасных и редких свойств дала ему возможность создавать произведения, которые, возвышаясь над модой и запросами дня, несут в себе ростки вечности. Он вознес русскую литературу до уровня литературы мировой. Его читательская аудитория не состоит исключительно и преимущественно из его соотечественников <...> Его высшая поэтическая сила влияла возбуждающим образом и плодотворно на все выдающиеся современные литературы, и успех его имел поистине международный характер. Это явление тем более удивительное, что Тургенев как писатель <...> был истинно русским человеком — в гораздо большей мере, нежели его великие предшественники — Пушкин и Лермонтов <...>

Тургенев — Гете России. Его произведения — неисчерпаемый источник для историка культуры, для психолога и эстетика. Читая произведения Тургенева, узнаешь русский народ, как свой собственный <...> Он биограф русского народа, равно как и судья его,— судья столь же строгий, сколь справедливый и мудрый».

«Русские могут скорбеть об Иване Тургеневе,— говорил в заключение Лемермайер,— они утратили в нем своего национального поэта и друга, который осмеливался говорить им правду. Но они могут и утешиться, ибо им завещана литература, которая призвана занять первое место наряду с современной немецкой и французской литературами. К их скорби присоединяются и все иностранцы, причастные к литературе и понимающие ее, ибо они знают, что покойный являлся одной из вершин человечества и что его смерть оставила пробел, который никогда не может быть восполнен».

Венская «Neue Freie Presse» отмечала, что Тургенев в своих произведениях являлся не только возвышенным патриотом, жаждавшим свободного развития для своего отечества, но и гениальным поэтом, увлекательным творчеством которого были покорены сердца всех образованных людей, без различия национальности...» «Дивное, привлекательное сочетание реализма и фантазии,— указывала газета,— составляет особенность тургеневского стиля и придает ему такое своеобразие, которое не утрачивается даже в довольно дурных переводах на иностранные языки»³⁴.

«Величайшим гением поэзии во всей европейской литературе со времени смерти Гете» — назвала Тургенева венская газета «Post»³⁵.

«Ни один из русских писателей не имел столь распространенной международной публики,— указывала газета «Wiener Allgemeine Zeitung».— Во всех пяти частях света жадно прислушивались к его словам. Его авто-

ритет простирался на всю обширную область новейшей культуры. Пушкин, Лермонтов и Гоголь вне России были доступны только избранному десятку тысяч интеллигентов. Тургенев же для немцев был немцем, для французов — французом, он пользовался правами гражданства почти повсюду, и при этом мы должны напомнить, что нашим соотечественником он все же не был. Это доказывает, что истинный гений повсюду находит себе родину, ибо любому разумному человеку ясно, что каждая строка Тургенева выдает его подлинное происхождение. Произведения его ни в чем не уступают произведениям классиков всех наций. Отличие его заключается лишь в том, что в каждом из его творений веет дух русской земли, что они принадлежали всему миру, в то время как сердце его билось для одной России»³⁶.

* * *

Указывая на «огромную брешь, образовавшуюся в европейской литературе» в связи со смертью Тургенева, английский еженедельник «Saturday Review» отмечал, что произведения русского писателя хорошо известны английским образованным читателям. В отношении популярности и влияния на другие литературы, автор некролога сравнивал Тургенева с Генрихом Гейне, а по художественному дарованию — с недавно умершим романистом, любимцем английской публики — Антони Троллопом³⁷.

«Times», «Spectator» и другие влиятельные газеты отзывались о творческом наследии Тургенева не менее восторженно и, ставя его в один ряд как художника с Теккереем, отдали ему предпочтение даже перед таким авторитетным английским классиком, как Филдинг.

Журнал «Academy» назвал Тургенева «главой европейских романистов после Балзака», журнал «Illustrated London News» — «несомненно гениальным человеком, произведения которого много содействовали ознакомлению общественного мнения в Европе с социальной жизнью в России и с настроениями ее народа».

Орган английской либеральной партии «Daily News» также отметил, что романы Тургенева, кроме выдающегося художественного значения, представляют и огромный общественно-политический интерес.

«Смерть Тургенева,— читаем мы в этой газете,— явилась утратой не только для России, но и для всей Европы. Он был единственным русским писателем, чьи произведения нашли многочисленных читателей за пределами его родины и кто имел в течение долгих лет широкий круг личных друзей во Франции, Англии и Германии,— особенно в Париже и Лондоне. Его пребывание за границей оказало известное воздействие на рассеяние самых мрачных предрассудков в отношении его родины, ибо страна, которая могла произвести такого человека как Тургенев, должна поистине быть далекой от безнадежных воззрений на ее беспросветную темноту...»

В том же номере «Daily News» были напечатаны воспоминания о Тургеневе, принадлежавшие перу одного из сотрудников газеты. Наиболее интересны в них подробности о встрече с Тургеневым на Всемирной выставке 1878 г., а также приведенный автором рассказ Тургенева о влиянии, оказанном на его творчество романами мисс Эджворс (см. цитаты из этих воспоминаний в «Новом времени», 1 сентября и в «Русских ведомостях», 3 сентября).

«North British Review» определил Тургенева как самого оригинального из всех современных русских писателей, и хотя, по мнению автора некролога, в его произведениях, отличающихся огромным талантом в обработке характеров, изредка возникает сходство с Балзаком и Теккереем, заимствований в них почти нет. «Тургенев обладал подлинной

Иван Тургенев.

Иван Тургенев родился 17-го 8-го сентября 1818 года в Овстеево в семье ивана Тургенева. Он получил образование в Московском университете, в 1840 году переехал в Берлин, где и прожил до смерти. Он был одним из самых выдающихся русских писателей своего времени.

Его творчество было связано с борьбой за свободу и справедливость. Он был одним из самых ярких представителей русской интеллигенции. Его произведения были переведены на многие языки. Он был одним из самых любимых писателей своего времени.

Тургенев умер 15-го сентября 1883 года в Париже. Он был похоронен в Пантеоне. Его произведения продолжают оставаться популярными и сегодня.

Иван Тургенев, 15-го сентября.

1818-го 17-го, Иван Тургенев родился в Овстеево в семье ивана Тургенева. Он получил образование в Московском университете, в 1840 году переехал в Берлин, где и прожил до смерти. Он был одним из самых выдающихся русских писателей своего времени.

Его творчество было связано с борьбой за свободу и справедливость. Он был одним из самых ярких представителей русской интеллигенции. Его произведения были переведены на многие языки. Он был одним из самых любимых писателей своего времени.

ТУРГЕНЕВ

Гравюра Германа Шеренберга по фотографии Ф. Надара, 1878

Помещена в тексте некролога Тургенева

«Иллюстрированная Zeitung», 15 сентября 1883 г.

* * *

«Известие о смерти Тургенева произвело также глубокое впечатление в Италии,— сообщал римский корреспондент «Нового времени».— Даже небольшие газеты, издающиеся во второстепенных итальянских городах, посвятили Тургеневу несколько теплых слов. Что же касается главных органов итальянской печати, то, кроме подробного некролога, они поместили на своих столбцах прочувствованные статьи о горестной утрате, которую весь литературный мир понес в лице великого русского поэта. Особенно горячо отозвалась о Тургеневе римская газета „Fanfulla“. „Тургенев,— говорит между прочим „Fanfulla“,— был глубоким знатоком человеческого сердца и первоклассным художником. Он любил истину вечную, беспредельную любовью, его описания природы всегда отличаются живостью, изяществом, проникают до глубины сердца».

Миланская газета „Secolo“ <...> поместила на первом месте портрет Тургенева и воспоминания о нем одного из главных ее сотрудников.

„Это было в 1878 году в Париже,— говорит сотрудник „Secolo“.— В зале улицы Cadet происходило заседание Международного литературного конгресса. Виктор Гюго оставил залу, и место его занял старец высокого роста, с седыми и лоснящимися, как серебро, волосами и длинною бородою. Черты лица его выражали какую-то особенную доброту. Это был Тургенев!“ Перечислив затем заслуги Тургенева не только перед Россией, но и перед всей Европой, автор восклицает: „Русские правы, отдавая предпочтение этому писателю, ибо все его сочинения проникнуты лучезарным светом честной мысли“».

Туринская «Gazetta Piemontese» особенно акцентировала влияние Тургенева на русское общество, утверждая, что писатель немало содействовал развитию в нем чувства самосознания (см. «Новое время», 1 сентября).

Из статьи А. де Губернатиса в «Nuova Antologia» от 15 сентября:

«Уметь остаться верным родной стране, чувствовать, страдать, трудиться, надеяться, бороться с нею и за нее и в то же время воспринять извне весь доступный человеку запас света, расширить свои идеалы, чтобы перенести их на родную почву, — вот в чем заключается самый совершенный патриотизм, и этою-то благороднейшею формою патриотизма обладал Тургенев... Он возвращался в Россию три или четыре раза через промежутки в несколько лет, и для его впечатлительной, чуткой натуры эти поездки были тем же, чем для Антея были прикосновения к земле. Подобно тому, как мифический герой становился все сильнее и сильнее каждый раз, как прикасался к матери-земле, и Тургенев каждый раз возвращался с родины с двойными силами и с свежим запасом творческой энергии»³⁹.

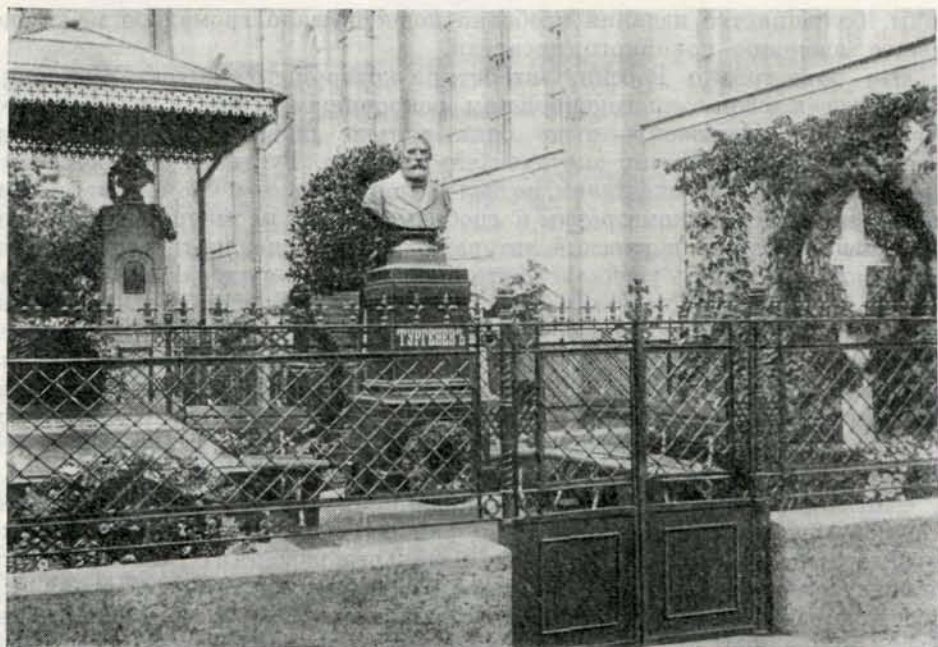
* * *

Большая часть бельгийских газет и журналов сочувственно откликнулась на известие о смерти «знаменитого русского романиста». 6 сентября некрологи появились в «Journal de Bruxelles», «Indépendance Belge», «Etoile Belge», «Gazette» и др. Авторы некрологов отмечали, что произведения Тургенева «вдохновлены глубокой любовью к человечеству и свободе», что писатель «дал возможность глубоко узнать ту таинственную Россию, которая так много обещает в будущем» и т. п. Еженедельник «Art Moderne», редактировавшийся Виктором Арну, Октавом Мо, Эдмоном Пикаром и Эженом Робером, вышел в траурной рамке; некролог Тургенева был помещен там в виде передовой статьи. «Тургенев ни в коей мере не был борцом, — отмечалось в этом некрологе, — он не сжимал в кулаке Ювеналов бич, он не захотел, подобно Герцену, другому великому опочившему славянину, воспользоваться жгучим и мстительным пером памфлетиста; это только рассказчик, не больше, но в его рассказах широко изливается и проявляется в самом естественном и безыскусном виде истинная душа народа — целой гаммой покорной и словно бессознательной грусти, и в этой нерешительной и кроткой жалобе тот, кто умеет проникать в глубины писательской мысли, легко улавливает огромную и глубокую скорбь угнетенного. Нет, не Тургенев говорил устами Тургенева, а целый народ...»

Журнал «Revue de Belgique» поместил обширный некролог, принадлежавший перу Эжена Хинса, который назвал Тургенева «литературным представителем России на Западе в течение целого поколения, подобно тому, как Герцен был его представителем политическим»⁴⁰.

* * *

«Одним из самых выдающихся писателей мира» назвал Тургенева автор анонимного некролога, помещенного в венгерской газете «Pesti Hírlap» (№ 246). «Тургенев завоевал себе и своим идеям миллионы сторонников (...), — отмечалось в газете «Fővárosi Lapok» (№ 208). — У нас в Венгрии его имя стало известно 30 лет назад (...) Кажется, в творчестве Тургенева мало осталось строк, которые не были бы переведены на венгерский язык». Известный венгерский поэт Дьюла Ревички посвятил покойному стихотворение «Тургенев». «В твоих книгах я нашел все идеалы своей молодости, — писал Ревички: — верность, вдохновение, первую любовь. На жизненном пути сопровождали меня Джемма, Литвинов, Санин; вместе с ними мечтал я о счастье!.. Ты был моим ближайшим, вер-

МОГИЛА ТУРГЕНЕВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Фотография С. Л. Левицкого, 1885

Литературный музей, Москва

Бюст работы Ж. А. Полонской

нейшим другом. Да почует благословение на твоей могиле. Ее благословляют тысячи и тысячи людей... Все смотрят на тебя с восторгом — не только твой народ; ты был частицей его крови; холодная страна, где царило крепостное право, благословляет в тебе своего утешителя...» Стихотворение это появилось в газете «Fővárosi Lapok» (№ 290) и впоследствии перепечатывалось во всех собраниях сочинений поэта ⁴¹.

* * *

Скандинавская печать единодушно отозвалась на тяжелую утрату, понесенную русской и европейской литературами. В некрологах отмечались самобытность и оригинальность тургеневского таланта, который «неиссякаем, подобно таланту величайших скальдов прошлого и самой жизни»; подчеркивалась глубокая любовь писателя к родине и своему народу («Ny Svensk Tidskrift», № 6; некролог, подписанный инициалами N. A. N.); Тургенев характеризовался как «величайший писатель современности, утрата которого ощущается далеко за пределами России и чьи произведения давно уже стали собственностью всех образованных народов» («Sydsvenska Dagbladet» от 6 сентября — анонимный некролог, перепечатанный из датской «Dagbladet») и чей гений был целиком отдан великому делу служения родине («Illustrerad Tidning» от 29 сентября — некролог за подписью G. N.) ⁴².

* * *

Во всех славянских странах смерть Тургенева была воспринята как большое национальное горе. Давая высокую оценку творчеству Тургенева, его выдающейся общественно-политической роли в истории своей ро-

дины, большинство изданий особенно подчеркивало громадное международное значение покойного писателя.

«Не одна только Россия, литература которой причисляет сочинения Тургенева к своим драгоценнейшим сокровищам,— писал в пражской «Politika» И. Пепижек,— и не одни только славяне, но вся Европа, весь цивилизованный мир опечален его смертью. Тургенев был не только патриотом и великим писателем, но был высшим жрецом в храме гуманности, ревностным поборником правды и свободы <...> Если теперь Европа внимательнее относится к русской литературе, нежели двадцать или тридцать лет назад, если теперь убедилась, что новейшая литература „варварского“ царства заслуживает стоять наряду с французской, этим обязаны, главным образом, Тургеневу, который, так сказать, заставил Европу заняться Россией и читать ее литературные произведения ранее, нежели критика выскажет о них суждения. Если теперь за границей читают Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Писемского, то это вследствие того, что сочинения Тургенева проложили путь за границу его предшественникам и преемникам».

«Хотя эта смерть и не была неожиданной,— читаем мы в софийской «Балкан» 3/15 сентября,— хотя образованное общество в течение довольно продолжительного времени получало печальные известия о тяжелой болезни знаменитого писателя и поэтому, так сказать, постепенно приготавлилось встретить и глубоко прискорбное, горестное известие об этой смерти, но утрата так велика, что произведет тяжелое впечатление не только в населении обширной русской земли, не только между различными народностями великого славянского племени, но и в целом образованном свете вообще. Потеря столь гениального таланта, столь великого писателя и художника составляет незаменимую утрату не только для России, но и для всего мыслящего человечества <...> Его великое значение не только для русского, но и для общечеловеческого искусства уже издавна признано в целой Европе <...> Европа и весь образованный мир вообще потеряли в нем одного из гениальнейших художников. В последние десять лет он имел великое значение и влияние во всех европейских литературах, даже в американской. В Англии, Германии и Франции он признан одним из самых сильных талантов нашего времени, одним из величайших представителей истинного реализма в искусстве. Его литературные произведения считаются всюду шедеврами и переведены почти на все европейские языки <...> Для нас, болгар, Тургенев имеет великое значение не только как общечеловеческий учитель и высокий художник, но и как человек, который первый воспроизвел тип той нашей патристической интеллигенции, которая стремилась к освобождению нашего народа»⁴³.

По случаю смерти Тургенева загребская университетская молодежь отправила в Петербург телеграмму следующего содержания:

«Память о Тургеневе наполняет наше сердце невыразимым чувством признательности и любви к России. Она углубляет нашу надежду на лучшую будущность, которая ожидает славян, и поощряет нас к защите Хорватии от тех зол и притеснений, коим она в настоящее время подвергается»⁴⁴.

* * *

Мы привели лишь отдельные, наиболее характерные отклики иностранной печати на смерть Тургенева, но и эти разрозненные голоса дают живое представление о том, как было воспринято мировым общественным мнением известие об утрате одного из величайших художников и общественных деятелей XIX столетия.

П Р И М Е Ч А Н И Я

О смерти и похоронах Тургенева см. также: «На память об И. С. Тургеневе». СПб., 1883; «Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884 (2-е изд.: 1908); Б. Г^ли н-ск и й. Похороны Тургенева. — «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—945; Ю. Н и к о л ь с к и й. Дело о похоронах И. С. Тургенева. — «Былое», 1917, № 4, стр. 146—156; Л. С. У т е в с к и й. Смерть Тургенева. Пг., 1923; А. Ф. Р о н и. Похороны Тургенева (Воспоминания). — «Тургеневский сборник». Пг., 1921, стр. 57—85; письма М. М. Стасюлевича к жене от осени 1883 г. (Стас., стр. 230—239), дневник В. П. Гаевского («Красный архив», 1940, № 3, стр. 229—243); Ю. Л е в и н. Об одном отклике на смерть И. С. Тургенева. — «Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та». Орел, 1963, стр. 234—239 и публикуемый на стр. 328—334 настоящ. тома обзор «Тургенев в материалах перлюстрации III Отделения и Департамента полиции».

¹ Т. в восп. рев., стр. 78—79.

² Свое желание быть похороненным рядом с Белинским или у ног Пушкина Тургенев высказал М. М. Стасюлевичу («Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 851).

³ Отдельные телеграммы — об отпевании Тургенева, о панихидах, о чествовании его памяти петербургской думой, о спросе на портреты писателя Катков печатал в «Московских ведомостях» и в дальнейшем, но некролога он так и не поместил.

⁴ С аналогичной точки зрения рассматривал деятельность Тургенева и И. С. Аксаков, заявивший в передовой статье своей газеты «Русь» 1 сентября, что «не как мыслителя и гражданина, а как великого русского художника, одного из двигателей нашего общественного самосознания, как великого мастера русского слова будет поминать его вечно с признательностью и любовью Россия». См. также в этой статье любопытный мемуарный эпизод, не зарегистрированный библиографией воспоминаний о Тургеневе:

«Лет пять или шесть назад, в один из своих приездов в Москву, Тургенев рассказывал нам следующее (речь шла о современной русской поэзии):

„Получаю я однажды в Париже, при письме, толстую тетрадь, — вернее, целый рукописный том русских стихотворений под общим заглавием: „Из-за решетки“. Заглавие уже само давало уразуметь, какой категории или направления молодых людей был этот том прислан: не то, чтоб они все сидели за решеткой, но могли бы сидеть или, по крайней мере, числили себя в разряде гонимых. Но не в том дело. Письмом пояснено, что стихи принадлежат действительно разным молодым авторам, которым бы хотелось знать мое мнение; мне сообщен был и адрес — кому и куда прислать ответ. Один вид этой рукописи уже сильно порадовал меня; я узнал антиэстетические тенденции молодого поколения, — ну а ведь тут очевидно сказалась в них потребность художественной формы для выражения мысли!.. Можете себе представить, с какою жаждою принялся я за чтение... и вообразите мой ужас: не только никаких проблеска замечательного дарования, но совершенное невежество в смысле художественном. Точно будто никаких у нас великих мастеров поэтического слова и не бывало, точно мы сизнова начинаем лепетать стихами, проделываем первые робкие опыты в русской поэзии!.. Стихотворения были разного, не одного только гражданского содержания... Я перечел еще раз и пришел к убеждению, что юные авторы наверное никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, не говоря уже о Баратынском, Тютчеве и других поэтах, кроме разве некоторых пьес Некрасова. Возвращая рукопись, я написал им письмо, в котором, конечно, постарался не оскорблять юного авторского самолюбия, однако же в самой мягкой форме спросил-таки их: читали они такое-то и такое-то стихотворение Пушкина (или же иного поэта)? На подобный вопрос — пояснял я — наводит меня то соображение, что едва ли бы автор, например, вот этой стихотворной пьесы решился бы коснуться своей темы, если бы знал, что эту тему уже разрабатывал Пушкин, да еще как разрабатывал! И так далее, я перебрал несколько пьес. И что же? Через несколько времени я получил ответ, что ведь это действительно так! Молодые авторы создавались сами, что им лично не привелось никогда читать ни Пушкина, ни других поэтов, кроме разве стихов, помещенных в хрестоматиях!..» («Русь», 1 октября).

⁵ «Одним из самых трогательных моментов этого прощального собрания у гроба Тургенева — писал в «Athenaeum» Рольстон, — было появление в церкви перед началом службы депутации русских „нигилистов“ с г. Лавровым во главе — людей, которых не часто можно видеть в церкви; они возложили венки на останки великого писателя, завоевавшего их сердца своей честностью и независимостью, хотя он часто смеялся над безумием русских революционеров и выставлял их заблуждения. Во время богослужения небольшая группа эмигрантов ждала у входа в церковь, чтобы отдать последний долг уважения гробу, когда его вносили и устанавливали в склепе» (цит. по газ. «Новости и Биржевая газета», 1 сентября).

По утверждению А. С. Суворина, Лавров «по принципу не входил в парижскую церковь, обьявив всем, что он церкви не признает, а остается на паперти» («Новое время», 13 сентября).

⁶ Цит. по газ. «Новости и Биржевая газета», 1883, 1 сентября.

⁷ «Новости и Биржевая газета», 1883, 28 августа. — В статье, озаглавленной «Кульков и Катков», редакция писала 30 августа по поводу позиции Каткова:

«Да, поворно это молчание, поворно по своей гаденькой тенденции. Это оскорбление, намеренно бросаемое в лицо русскому обществу. Какой-нибудь нищий духом Кульков куда выше, в данном случае, Каткова, потому что его незнание Тургенева — действительно факт, и, заявляя о нем, он только искренне обнаруживает свое невежество. Катков же своим молчанием имеет намерение оскорбить, во-первых, память великого писателя, а, во-вторых, общество, увековечивающее эту память и словом и делом». По мнению П. Н. Полевого, «мнимое неведение и злоба» Кулькова и ему подобных «митрофанушек» лучше всего показывали, «какие сильные удары» нанес Тургенев невежеству и произволу («Всемирная иллюстрация», 1883, 10 сентября).

⁸ Сообщая об открывшейся за границей подписке на памятник Тургеневу, «Русские ведомости» 29 августа писали: «Памятник И. С. Тургеневу поставить, конечно, необходимо, он заслуживает его не менее Пушкина и Гоголя. Желательно бы даже, чтобы таких памятников было несколько...» Сбор средств вскоре открыла редакция «Нового времени».

⁹ «Русские ведомости», 1883, 31 августа.

¹⁰ Напечатанный в «Орловском вестнике» 26 августа некролог (В. Ильина) завершился следующими словами: «...не могу не напомнить орловским почитателям нашего великого согражданина, что другие города России сумели отдать должное их знаменитым гражданам: так, в Архангельске есть памятник Ломоносову, в Казани — Державину, в Симбирске — Карамзину, в Воронеже — Кольцову, в Смоленске — Глинке, в Москве — Пушкину. Наш Тургенев, за исключением Пушкина, не менее любого из указанных лиц достоин общественной признательности, выражаемой памятниками».

¹¹ Среди мероприятий, проведенных в память Тургенева, следует особенно отметить основание читальни имени Тургенева в Москве на средства, пожертвованные купчихой-меценаткой В. А. Морозовой («Русские ведомости», 1883, 13 сентября).

¹² Издававшаяся с 1863 г. А. А. Краевским политическая и литературная газета «Голос» была вследствие цензурных репрессий прекращена в 1883 г.

¹³ Газета М. М. Стасюлевича «Порядок», выходившая в свет с 1881 г., была приостановлена правительством в 1882 г., и издание ее возобновлено не было.

¹⁴ Об участии петербургского студенчества в подготовке к похоронам Тургенева см. в воспоминаниях Б. Г. Глинского) «Похороны Тургенева». — «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—945.

¹⁵ См. выше прим. 3.

¹⁶ Выдержки из «Times» любезно сообщены нам А. Н. Дубовиковым.

¹⁷ «Русские ведомости», 1883, 6 и 16 сентября.

¹⁸ «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 322—325.

¹⁹ 15 сентября Полина Виардо в телеграмме, адресованной русскому послу в Париже кн. Н. А. Орлову, просила поддержать ее ходатайство о перевозке тела Тургенева в Петербург (ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 18. — См. в том же деле отклик на эту просьбу Орлова в письме к русскому консулу А. Н. Карцову от 16 сентября 1883 г.).

²⁰ Речи Ренана и Абу цитируются нами по книге «Иностранная критика о Тургеневе».

Как выясняется из письма Ренана к Полине Виардо от 17 сентября 1883 г., он согласился выступить во время траурной церемонии по ее личной просьбе:

«Дорогая г-жа Виардо! Ваша мысль запала мне прямо в душу. Горжусь тем, что она у вас возникла. Да, конечно, я сочту для себя большой честью выступить с прощальным словом, обращенным к тому гениальному гостю, чьим бесценным другом вы были. Именно вам обязаны мы тем, что обладали им столь долгие годы. Позвольте мне выразить вам благодарность от общего имени. Поверьте в мою живейшую и искреннейшую дружбу. Э. Р е н а н» («Oeuvres complètes de Ernest Renan», т. X, Paris, s. a., p. 894).

²¹ Цит. по «Русским ведомостям», 1883, 27 сентября.

²² Цит. по «Новому времени», 1883, 27 сентября.

²³ Вероятно цифра эта значительно преувеличена.

²⁴ Другие газеты объясняли отсутствие французского посла на похоронах тем, что он находился в отпуске.

²⁵ Орывок из стихотворения А. Н. Плещеева «27-го сентября 1883 г. (Памяти Тургенева)» извлечен из описания похорон в «Русских ведомостях» от 1 октября 1883 г. (выверен нами по тексту «Отеч. записок», 1883, № 10).

²⁶ Цит. по «Русским ведомостям», 1883, 29 сентября.

²⁷ Незнакомец (А. С. Суворин). — «Новое время», 1883, 25 сентября.

²⁸ Отметим следующее высказывание Поля Бурже, не попавшее в библиографию воспоминаний о Тургеневе: «Я слышу еще теперь, как он <де Вогюэ> говорит мне

о роли, которую, по его мнению, будет играть в послевоенной Франции литература, и приводит мне имена Толстого и Достоевского. Я знал о том и другом от Тургенева, с которым иногда встречался у Тэна. Одно из лучших воспоминаний моей юности — это благородное беспристрастие старого русского романиста, отдававшего высокую и полную справедливость своим более молодым соперникам. Но Тургенев, сильно озабоченный эстетической стороной, открывал в них нам лишь оригинальный талант рассказчиков. Он питал религиозное чувство к искусству романиста. Он видел в нем все будущее современной литературы, и подробности фактуры страстно интересовали его. Трудно передать, до какой степени он восхищался в Толстом чудодейственным даром личного присутствия, у Достоевского — искусством создавать вокруг своих персонажей психологическую атмосферу» («Revue des Deux Mondes», 1912, 15 января. — Приводимые Бурже в некрологе Мельхиора де Вогюэ факты относятся к концу 70-х годов). «Лит. наследство», т. 75, кн. 2, стр. 394.

Приводим здесь же текст открытого письма де Вогюэ к юбилейной комиссии, отмечавшей в Орле 50-летие со дня публикации первого очерка «Записок охотника»:

«От всего сердца присоединяюсь к соотечественникам Тургенева, собирающимся праздновать в его родном городе полувековой юбилей его первого произведения. Я с трудом лишь могу найти новые выражения для того восторженного удивления, которые я уже много раз высказывал в моих прежних работах об Иване Сергеевиче. Я окажу лучшую услугу памяти великого покойника, возложив на его памятник венки, приготовленный ему другим великим покойником. Наш знаменитый Тэн, лучший судья всех произведений высокого искусства, какого я только знаю, ставил Тургенева выше всех художников, рисовавших образы нашим современным словом. Я часто слышал, как он с жаром высказывал это убеждение и дал трогательно доказательство искренности его в последние минуты своей жизни. В последний раз когда я видел Тэна, за два или три дня до его смерти, он был тяжело удручен болезнью, которая исключала для него всякие занятия. — „Я еще могу слушать чтение, — сказал он, — и заставляю читать себе повести Тургенева, и это приносит моей душе много удовольствия, доставляемого ей без усилий“. И он мне повторил то, что часто говорил и раньше: Тургенев как художник — наиболее совершенный между теми, кто писал после греков; никто не может сравниться с ним в строгом выборе материала, в трезвости и скульптурной красоте форм; каждая из его маленьких повестей напоминает безупречную античную камею. Так и умер Тэн, проникнутый чудным видением духовной красоты, в изображении которой никто не сравнился с Тургеневым» (газетная вырезка. — ИРЛИ).

²⁹ Некролог О. Мирбо процитирован в «Новом времени», 1883, 14 сентября.

³⁰ См. также в настоящ. томе, на стр. 485—488 выдержки из некролога Ж. Кларти.

³¹ Некролог М. Гиймо процитирован в «Русском курьере», 1883, 30 сентября.

³² По словам парижского корреспондента «Новостей и Биржевой газеты», Тургенев пользовался в «серьезных парижских литературных кружках» «каким-то благоговейным уважением. Он был для них наиболее авторитетным представителем русской литературы. Покойный Гюстав Флобер, очень интересовавшийся произведениями наших лучших писателей и прочитавший все, что появилось из них во французском переводе, говорил: „Тургенев понятнее для меня, чем граф Лев Толстой и Достоевский. У тех многое приходится угадывать и почти верить на слово вашим соотечественникам, восхищающимся силою и своеобразностью их таланта. Тургенев и в переводе сохраняет всю свою самобытность“. Почти то же самое доводилось слышать автору этих строк и от нескольких серьезных писателей кружка, составлявшего редакцию „Revue des Deux Mondes“ при покойном Франсуа Булозе, отце нынешнего редактора этого журнала» («Новости и Биржевая газета», 1883, 23 сентября. — М. Загуляев).

³³ Некролог из «Berliner Börsen-Courrier» цит. по «Новостям и Биржевой газете», 1883, 26 сентября.

³⁴ Некролог из «Neue Freie Presse» цит. по «Новостям и Биржевой газете», 1883, 28 августа.

³⁵ Некролог из «Post» цит. по «Русским ведомостям», 1883, 31 августа.

³⁶ Некролог из «Wiener Allgemeine Zeitung» цит. по «Новому времени», 1883, 29 августа.

³⁷ См. там же.

³⁸ См. там же, 1883, 6 сентября.

³⁹ Некролог де Губернатиса цит. по «Русским ведомостям», 1883, 21 сентября.

⁴⁰ Сообщено Ж. Бланковым (Брюссель).

⁴¹ Сообщено Ж. Зельдхейн (Будапешт).

⁴² Сообщено М. Д. Моричевой.

⁴³ Цит. по «Вестнику Европы», 1883, № 10, стр. 841—842.

⁴⁴ «Новое время», 1883, 7 сентября.